СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXVIII, № 6.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ,

ПО РУКОПИСНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ АРХИВА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ГРАФА Д. А. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Вызванные при учрежденіи Академіи Наукъ ученые изъ-заграницы обязаны были, по заключеннымъ съ ними, по большей части, на пять лѣтъ, контрактамъ, читать лекціи въ учреждавшемся тогда же при Академіи университетѣ.

Первые профессора изъ академиковъ (1725—1726 г.)

Въ 1725 году приглашены были: на каѳедру математики Германъ, Даніилъ Бернулли, занимавшійся прежде физіологіею, и Гольдбахъ, для химіи Бюргеръ, для физики Бильфингеръ, начавшій свою академическую дѣятельность логикою и метафизикою; для анатоміи и зоологіи Дювернуа, для механики Николай Бернулли, по каѳедрѣ греческихъ и римскихъ древностей Байеръ, для логики и метафизики Мартини, принявшій сначала каѳедру физики, на каѳедру краснорѣчія и церковной исторіи Коль, и на каѳедру правовѣденія Бекенштейнъ. Въ 1726 году прибыли въ Академію два астронома Делиль и Лейтманъ на каѳедру механики и оптики. Еще прежде открытія Академіи пріѣхалъ въ Петербургъ ботаникъ Буксбаумъ.

Нѣкоторые изъ этихъ академиковъ уже пользовались ученою извѣстностью. Германъ назначенъ былъ еще въ 1701 году, по предложенію Лейбница, членомъ Берлинской Академіи Наукъ, а потомъ былъ членомъ Болонской Академіи; въ 1707 году, также по рекомендаціи Лейбница, онъ получилъ каѳедру математики въ Падуанскомъ университетѣ. Германъ первый изъ иностранныхъ ученыхъ поступилъ въ Петербургскую Академію, потому и называли его professor primarius et Matheseos sublimioris. Даніилъ Бернулли, выдающійся математикъ своего времени,

прославился сочиненіемъ: «Гидродинамика», или законы движенія воды, напечатаннымъ въ 1738 году и посвященнымъ Бирону. Іосифъ Делиль, приглашенный по повелѣнію Императора Петра, въ продолженіе 21 года усердно работалъ въ Россіи по части астрономическихъ наблюденій. Бильфингеръ былъ одинъ изъ выдающихся ученыхъ по физикѣ. Байеръ извѣстенъ былъ по обширнымъ своимъ филологическимъ познаніямъ, въ особенности литературы восточныхъ народовъ. На саксонца Лейтмана обратилъ вниманіе самъ Петръ Великій, и приглашалъ его пріѣхать въ Россію; но саксонское правительство тогда его не отпустило; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюлѣ 1726 года. Буксбаумъ принятъ былъ ботаникомъ въ медицинскую коллегію еще въ 1721 году, въ 1724 году отправленъ былъ докторомъ при посольствѣ Александра Ивановича Румянцова въ Константинополь, при чемъ ему были поручены ботаническія изслѣдованія. Академикъ Рупрехтъ говоритъ о немъ: «Въ кратковременную бытность свою при Академіи, онъ составилъ сочиненіе о 500 новыхъ или малоизвѣстныхъ растеніяхъ, собранныхъ имъ какъ въ путешествіяхъ въ окрестностяхъ Константинополя, въ Малой Азіи и около Каспійскаго моря, такъ и вблизи Петербурга». Гольдбахъ былъ хорошій педагогъ, почему и назначенъ былъ воспитателемъ великаго князя Петра Алексѣевича, впослѣдствіи императора Петра II. Изъ всѣхъ приглашенныхъ ученыхъ наименѣе удачнымъ оказался выборъ Мартини, потому и мѣняли поручавшіеся ему предметы: сначала дали каѳедру физики, а потомъ перевели на каѳедру логики и метафизики; по словамъ Мюллера, онъ не былъ достоинъ званія академика. Не оправдалъ также своего назначенія и астрономъ Делиль-де-ла-Кройеръ, братъ Іосифа Делиля. Николай Бернулли умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ іюлѣ 1726 года.

Первые адъюнкты.

По указаніямъ нѣкоторыхъ изъ этихъ академиковъ, вызваны были извѣстные имъ даровитые студенты. Наиболѣе рекомендацій поступило отъ Бильфингера, бывшаго профессора Тюбингенскаго университета. Изъ прежнихъ своихъ слушателей

онъ выбралъ Гмелина и Крафта, и оба они вполнѣ оправдали лестные его о нихъ отзывы, и впослѣдствіи сдѣлались сами академиками. Гмелинъ отправленъ былъ въ 1733 году въ Камчатскую экспедицію, и результатомъ его ученыхъ изысканій въ Сибири было классическое сочиненіе его: «Flora sibirica, sive historia plantarum Sibiriae». 1747—1769 года. Въ этомъ сочиненіи заключается описаніе 1178 растеній и 300 чертежей. Линней говоритъ, что Гмелинъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ. Даніилу Бернулли обязана наша Академія рекомендаціею знаменитѣйшаго изъ математиковъ — Леонарда Эйлера, бывшаго студента Базельскаго университета, гдѣ Бернулли былъ профессоромъ. Эйлеръ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1727 году, 20-ти лѣтнимъ юношею, и назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ математики. Уже въ 1723 году онъ получилъ степень магистра въ Базельскомъ университетѣ. Крафтъ имѣлъ также эту ученую степень отъ Тюбингенскаго университета. Эйлеръ написалъ въ теченіе своей жизни до 756 математическихъ сочиненій, а изъ его учениковъ восемь достигли впослѣдствіи званія членовъ академіи, именно: Альбрехтъ Эйлеръ, Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Лексель, Иноходцевъ, Головинъ и Николай Фуссъ.

Первые студенты.

При такихъ ученыхъ силахъ, казалось возможнымъ открыть новый университетъ. Но для него недоставало слушателей: гимназій, приготовляющихъ къ университету, не было; семинаріи заведены были только въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по произвольному плану, и вовсе не были приспособлены къ типу предварительной университетской школы; при томъ, языкъ новыхъ преподавателей былъ совершенно непонятенъ для русскихъ учениковъ, а латынскій, на которомъ читались лекціи, мало распространенъ въ странѣ. Оставалось и слушателей выписать изъ за границы, какъ выписаны были оттуда профессора. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ прямо обязывались къ этому по письменнымъ условіямъ; такъ Бильфингеръ, по заключенному съ нимъ контракту, дол-

женъ былъ привезти съ собою одного или двухъ студентовъ. «Я примѣтилъ», писалъ въ 1725 году академикъ Коль студенту Мюллеру въ Лейпцигъ, «что здѣсь, при скоромъ открытіи Академіи, потребуется еще нѣсколько студентовъ, изучавшихъ гуманіоры». Изъ Германіи вывезено было восемь студентовъ, изъ которыхъ четыре сдѣлались впослѣдствіи академиками, именно: Мейеръ, Гроссъ, Вейтбрехтъ и Мюллеръ. Мейеръ и Вейтбрехтъ имѣли уже дипломъ магистра отъ Тюбингенскаго университета, но поступили студентами въ новооткрывающійся университетъ. Гроссъ и Мейеръ оставались впрочемъ студентами не долго; 29 января 1726 года состоялось опредѣленіе президента Академіи Блюментроста: «Понеже студентъ Мейеръ разныя пробы искуства своего объявилъ, того ради велѣно онаго въ Академіи Наукъ опредѣлить профессоромъ матезисъ чрезвычайнымъ», то есть экстраординарнымъ. Въ тотъ же самый день студентъ Гроссъ назначенъ былъ профессоромъ «философіи нравоучительныя чрезвычайнымъ». Вейтбрехтъ получилъ каѳедру физіологіи только въ 1731 году. Наконецъ Мюллеръ пріобрѣлъ впослѣдствіи громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность своими изысканіями и изданіями по русской исторіи, и получилъ званіе историографа [1]).

«Требовалось», говоритъ Мюллеръ, «чтобы Академія имѣла и учениковъ, которые могли и желали бы извлекать пользу изъ ея учрежденій; но ни того, ни другаго не было, какъ иначе это и быть не могло. Низшія школы должны предшествовать высшему образованію. Но чтобы можно было начать лекціи въ назначенный день, то сами профессора стали ходить другъ къ другу на лекціи. Настоящими слушателями были адъюнкты, одни только для вида, другіе на самомъ дѣлѣ. Настоящихъ же студентовъ было очень мало; одинъ Кенигсбергецъ, пріѣхавшій съ профессоромъ Байеромъ, и одинъ голштинецъ, искавшій мѣста при

[1]) См. Пекарскаго — Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Томъ I. С.-Петерб. 1870.

великогерцогскомъ дворѣ, остались не долго[1]). «Совершенно справедливо заявлялъ впослѣдствіи академикъ Мартини, что въ Академическомъ университетѣ было болѣе учащихъ, чѣмъ учащихся: выше мы видѣли, что академиковъ было 15 и вскорѣ двое изъ студентовъ назначены профессорами, значитъ преподающихъ, или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ преподавать, считалось тогда 17, студентовъ же было всего 8.

О томъ какъ опредѣляли въ этотъ, такъ называемый университетъ, можетъ дать нѣкоторое понятіе, напримѣръ, Академическій протоколъ 5 февраля 1726 года, въ которомъ записано, что статскій совѣтникъ Макаровъ объявилъ Высочайшее повелѣніе Анахина «опредѣлить въ Академію Наукъ». Вѣроятно, этотъ Анахинъ вовсе не былъ подготовленъ къ слушанію профессорскихъ лекцій, однако онъ былъ принятъ безъ экзамена, и съ такимъ предписаніемъ: «придать онаго, для совершеннаго обученія наукъ, профессору Мейеру», то есть тому молодому ученому, который за недѣлю передъ тѣмъ самъ былъ студентомъ.

При таковомъ недостаткѣ слушателей, ничего не оставалось другаго, какъ обратить профессорскія лекціи въ публичныя, въ надеждѣ, что публика наполнитъ аудиторіи. Но и это ожиданіе не оправдалось. «Когда сдѣлалось явнымъ,» говоритъ Мюллеръ, «что устное преподаваніе не можетъ производиться, по неимѣнію слушателей, то 8 и 14 марта 1727 года объявлено было въ газетахъ, что профессора Бильфингеръ и Дювернуа будутъ читать для всѣхъ желающихъ публичныя лекціи по физикѣ и анатоміи, съ экспериментами. Эти эксперименты Бильфингера, для коихъ выписаны были отъ Мушенбрека изъ Лейдена, по системѣ Гравезанда «Institutionibus philosophiae Newtonianae», необходимые инструменты, еще кое-какъ шли вначалѣ, но нѣсколько недѣль спустя прошла къ нимъ охота публики. Что же

---

[1]) Müller. Zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. (Рукопись.)

касается до анатомическихъ демонстрацій, то любителей ихъ нашлось весьма немного; изъ нихъ извлекъ пользу едва ли не одинъ Вейтбрехтъ, который еще въ предъидущемъ году сталъ посѣщать госпиталь на Выборгской сторонѣ».

Случалось, что молодаго человѣка отдавали, такъ сказать, на выучку тому или другому профессору, и тогда онъ состоялъ въ полномъ его распоряженіи. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ протоколѣ 28 марта 1729 года: По указу Его Императорскаго Величества, въ Академіи Наукъ опредѣлено: оной же Академіи господина профессора Лейтмана ученика Матиса Андреяса, что онъ, безъ вѣдома онаго Лейтмана, отъ него отлучался и пьянствовалъ, и не явился шесть дней, бить батогами нещадно, для того дабы ему впредь чинить того было неповадно».

Въ Академію посылали учиться всему, даже и такимъ наукамъ, которыя вовсе не полагались въ академическомъ университетѣ; такъ военная коллегія прислала одного недоросля, чтобы обучить его фортификаціи; не долго думая, его отдали на выучку академическому архитектору, вѣроятно потому, что этотъ архитекторъ преподавалъ математику въ гимназіи. Протоколъ объ этомъ 30 сентября 1731 изложенъ такъ: «По указу Ея Императорскаго Величества, въ Академіи Наукъ, по слушаніи присланной государственной военной коллегіи изъ конторы сего сентября 28 дня промеморіи о опредѣленіи Новгородской губерніи, Псковской провинціи, недоросля Дмитрія Яхонтова въ Академію для науки, и опредѣлено, по силѣ той промеморіи, онаго Яхонтова, для обученія фортификаціи, при указѣ отослать къ архитектору Шеслеру, въ которомъ объявить, дабы онъ Шеслеръ его Яхонтова обучалъ съ прилѣжнымъ радѣніемъ, а какъ оный обучится, о томъ ему въ академическую канцелярію репортовать».

Академическій совѣтникъ Шумахеръ жаловался президенту, что академики уклоняются отъ преподаванія: «Профессора обязаны читать лекціи,» писалъ онъ ему въ 1729 году, «а между тѣмъ, это исполняютъ только Бекенштейнъ, Бернулли

и Мейеръ; другіе даже не помышляютъ о томъ». Несправедливо было обвинять профессоровъ, когда у нихъ не было слушателей: ни студентовъ, ни публики. «Бекенштейнъ былъ бы очень прилѣжный и полезный преподаватель», говоритъ Мюллеръ, «если бы только были у него слушатели», а слушатели эти состояли исключительно изъ немногихъ иностранцевъ.

Разсказывая о положеніи Академіи и ея учрежденій въ 1729 году, Мюллеръ пишетъ: «жалобы профессоровъ на то, что у нихъ нѣтъ слушателей, все продолжались. Еще въ гимназію отдавали родители изъ порядочныхъ семействъ своихъ дѣтей, для изученія новыхъ языковъ. Что же касается до высшаго образованія, то Академія не знала бы что ей дѣлать съ тѣми, которые прошли бы основательно университетскій курсъ. Русское дворянство ищетъ повышеній чинами. Между тѣмъ, знаменитѣйшіе ученые оставались безъ чиновъ, и это въ странѣ, гдѣ всѣ преимущества соразмѣрены съ чинами, гдѣ неимѣющій чина не можетъ показаться ни при какомъ оффиціальномъ представленіи; какой же послѣ этого порядочный человѣкъ рѣшится оставаться при учености, я хочу сказать, сдѣлаться ученымъ по профессіи? Думаю, что я не ошибаюсь, приписывая этому главнѣйшія затрудненія, встрѣчаемыя Академіею быть полезною, сколько можетъ и должна. Правда, Петръ Великій, учреждая Академію, а Императрица Екатерина въ своемъ указѣ 21 декабря 1725 года, коимъ она повелѣвала всѣмъ отдавать своихъ дѣтей для обученія въ Академію, не предоставили чиновъ ни учащимъ, ни тѣмъ изъ учащихся, которые пройдутъ основательно курсъ ученія. Но опытъ показалъ какія были отъ того послѣдствія, и представители Академіи должны были бы достигнуть возвышенія значенія наукъ, если не для своей славы, то для блага страны. Никогда Академія надлежащимъ образомъ объ этомъ не представляла; по этому нельзя винить высшее правительство за то, что оно не приняло во вниманіе столь существенный недостатокъ».

По свидѣтельству Мюллера, въ 1731 году въ университе-

тѣ не было ни одного студента; но, вѣроятно, и гораздо ранѣе университетъ оставался безъ студентовъ, ибо послѣ 1726 года, когда вывезенные изъ Германіи нѣмецкіе студенты получили разныя назначенія, въ академическихъ протоколахъ не встрѣчается ни упоминанія о студентахъ, ни опредѣленій о выдачѣ имъ содержанія. Несмотря на это, составлялись программы лекцій, чтобы показать, по словамъ Мюллера, что «не вина Академіи, что она не можетъ приносить пользы посредствомъ устнаго преподаванія. Одинъ профессоръ издалъ свою программу». Въ слѣдующемъ 1732 году напечатаны были всѣ программы лекцій, съ означеніемъ часовъ чтенія, и прибавлено, что по нимъ профессора станутъ читать лекціи, *если будутъ слушатели*.

Неимѣніе именно этихъ слушателей озабочивало правительство. 11 сентября 1731 года Сенатъ, по собственной иниціативѣ, безъ всякаго представленія Академіи, потребовалъ отъ нея отзыва: «коликое число въ Академію потребно къ профессорамъ, къ художникамъ и къ мастеровымъ людемъ учениковъ, и изъ какихъ школъ». «Совѣтникъ Шумахеръ, не посовѣтовавшись съ профессорами», прибавляетъ Мюллеръ, «отвѣчалъ такъ: «Весьма бы полезно, что больше для обученія къ вышеписаннымъ профессорамъ, къ художникамъ и къ мастеровымъ людемъ учениковъ придано будетъ, тѣмъ болѣе пользы надѣяться надлежитъ, дабы когда оные чрезъ нѣкоторое время у профессоровъ и у художниковъ въ наставленіи пробудутъ, то и оныхъ какъ къ наукамъ, такъ и къ художествамъ способныхъ людей выбрать возможно было, ибо не всѣ изъ учащихся въ наукѣ удаются, для того, что нѣкоторой къ одной, а другой къ другой вещи тщаніе и понятіе имѣетъ. Паче полезно было, чтобы всѣ ученики, которые къ наукамъ и къ художествамъ приданы быть имѣютъ, какой нибудь чужой языкъ, напримѣръ, латинскій, нѣмецкій или французскій умѣли, дабы оные какъ чрезъ обхожденіе съ чужими учеными людьми и художниками знаніемъ языка, такъ и чрезъ чтеніе на чужихъ языкахъ писанныхъ книгъ пользу получить могли. И ежели выписаннаго довольнаго числа уче-

никовъ въ скорости прислать будетъ невозможно, то Правительствующаго Сената требовать, дабы соблаговолено было хотя по меньшей мѣрѣ нынѣ опредѣлить: въ классъ математическій 25 человѣкъ, а именно: ко всякому въ ономъ классѣ обрѣтающемуся профессору по 5-ти человѣкъ, яко профессору вышней математики, двумъ профессорамъ астрономіи, профессору механики и профессору математики генеральныя; въ физическій классъ такожде 25 человѣкъ, яко профессору анатоміи и хирургіи, профессору химіи, профессору ботаники, профессору физики экспериментальной и теоретической, и профессору физіологіи; въ классъ историческій 15 человѣкъ, яко профессору юриспруденціи, профессору логики и метафизики и профессору исторіи, да профессору греческихъ и римскихъ древностей 10 учениковъ, такихъ, которые бы въ греческомъ и латынскомъ языкѣ искусны были». Такимъ образомъ, наименьшее число необходимыхъ для университета студентовъ исчислялось 75 человѣками.

Вмѣсто этого, столь ограниченнаго числа студентовъ, требованныхъ академіею, сенатъ прислалъ въ концѣ декабря 1732 года 12 учениковъ изъ московской славяно-латынской академіи, но не для университета, а для подготовленія ихъ къ предпринимавшейся тогда ученой экспедиціи въ Камчатку. Шестерымъ изъ нихъ велѣно было учиться ежедневно до полудня въ гимназіи, а послѣ полудня, до 5-ти часовъ, обучаться въ канцеляріи академіи русскому и латынскому языкамъ. Только пять изъ этихъ учениковъ могли быть отправлены въ Камчатскую экспедицію, въ томъ числѣ будущій академикъ Крашенинниковъ; объ остальныхъ же академическая канцелярія представила сенату, что они «явились къ наукамъ не понятны», а потому просила, чтобы опредѣлить ихъ къ ремесламъ, «къ разнымъ художествамъ», и прислать изъ московской академіи 12 или 15 «понятныхъ» учениковъ.

Въ 1735 году предложено было професорамъ составить свои программы, на случай, если найдутся слушатели; при этомъ Академія расчитывала, по видимому, на возможность получить

человѣкъ 30 такихъ слушателей изъ шляхетнаго кадетскаго корпуса; [1]) но надежда эта не осуществилась.

Въ 1736 году прислано было изъ Заиконоспаской академіи 10 учениковъ, и профессору Байеру поручено было проэкзаменовать ихъ; онъ донесъ, «что онъ присланныхъ изъ Москвы учениковъ десять человѣкъ свидѣтельствовалъ, а, по свидѣтельству его надлежитъ онымъ ученикамъ нѣсколько времени обучаться въ гимназіи, дабы они къ слушанію профессорскихъ лекцій способными быть могли», потому, вмѣсто университета, они помѣщены были въ гимназію.

Выходъ изъ Академіи лучшихъ академиковъ. (1731—1737 года).

Между тѣмъ, въ академическомъ составѣ произошли значительныя измѣненія: умерли академики Бюргеръ въ 1726 году, Мейеръ въ 1729 году и Лейтманъ въ 1736 году, уволены изъ Академіи въ 1727 году Коль и въ 1728 году Мартини, наименѣе впрочемъ даровитые изъ прибывшихъ ученыхъ, въ 1729 году Буксбаумъ, въ 1731 году Гроссъ. Но существенною потерею для Академіи слѣдуетъ почесть выходъ изъ нея такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Германъ и Бильфингеръ, уѣхавшихъ изъ Петербурга въ 1731 году, также Даніила Бернулли, получившаго въ 1733 году каѳедру анатоміи и физіологіи въ Базельскомъ университетѣ; въ 1737 году уволенъ былъ изъ академіи отличный филологъ Байеръ. Съ выходомъ ихъ изъ Академіи понизился существенно ученый ея уровень, и послѣдовавшіе за ними академики, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли такой, какъ они, ученой извѣстности.

Леонардъ Эйлеръ. — Вновь принятые академики. (1731—1740 года).

Впрочемъ, въ академіи оставалась еще довольно долго ученая знаменитость — Леонардъ Эйлеръ. Въ 1727 году онъ былъ назначенъ адъюнктомъ высшей математики, въ 1731 году академикомъ на каѳедру физики, на мѣсто Бильфингера, а въ

[1]) Въ протоколѣ Конференціи Академіи Наукъ 17 января 1735 года записано: «Die Herren Professores sich erklären sollen was und in welchen Stunden sie künftig zu dociren wollen, wenn auf Ihro Kaiserliche Majästät Ordern, sich discentes in denen allen praeparirten auditoriis einfinden werden: allermassen mit nächsten 30 russische Edellente den Anfang dazu zu machen beordert werden.

1733 году, послѣ отъѣзда Даніила Бернулли, получилъ каѳедру высшей математики. Вновь приняты были въ академію: въ 1731 году Винцгеймъ адъюнктомъ по астрономіи, а въ 1735 году назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ; въ 1733 году Ададуровъ адъюнктомъ по высшей математикѣ, и швейцарецъ Амманъ, занявшій каѳедру ботаники послѣ Буксбаума; въ 1736 году онъ развелъ ботаническій садъ во второй линіи Васильевскаго острова, гдѣ теперь садъ римско-католической духовной академіи; въ 1735 году Ле Руа, наставникъ старшаго сына Бирона, экстраординарнымъ академикомъ по новой исторіи, и Штелинъ — адъюнктомъ по каѳедрѣ поэзіи и краснорѣчія; въ 1737 году, онъ получилъ званіе ординарнаго профессора элоквенціи; въ 1736 году, Вильде — экстраординарнымъ академикомъ по анатоміи, Мулла — адъюнктомъ по высшей математикѣ, а Гейнціусъ — экстраординарнымъ академикомъ по астрономіи, въ помощь старшему астроному Николаю-Іосифу Делилю; въ 1740 году Крузіусъ — адъюнктомъ, а въ 1747 году профессоромъ древностей и исторіи литеральной, далеко уступавшій своему предшественнику Байеру, и Рихманъ—по каѳедрѣ физики; онъ былъ учителемъ сыновей графа Остермана, Ивана, впослѣдствіи вице-канцлера, и Федора; принятъ былъ въ 1735 году студентомъ, въ 1740 году назначенъ адъюнктомъ, а въ 1741 году получилъ должность профессора; онъ занимался преимущественно электричествомъ, въ то время мало извѣстнымъ, и на опытѣ надъ нимъ былъ убитъ электрическимъ токомъ въ 1753 году.

Чтеніе лекцій въ 1738 г.

Въ 1738 году найдено было, что нѣкоторые ученики гимназіи въ состояніи слушать профессорскія лекціи, потому сдѣлано было распоряженіе о возобновленіи публичныхъ лекцій въ университетѣ. Распредѣленіе ихъ между профессорами сдѣлано было протоколомъ академической канцеляріи 31 мая слѣдующимъ образомъ: «Понеже въ бывшемъ преднедавнемъ времени», сказано въ этомъ протоколѣ, «въ обрѣтающейся при Академіи Наукъ гимназіи экзаменѣ не малое число такихъ учениковъ наш-

лось, которые къ слушанію профессорскихъ лекцій довольную способность имѣютъ, того ради оныя публичныя лекціи съ перваго числа іюня сего года начало свое воспріять, и на всякій день въ Академіи Наукъ слѣдующимъ образомъ продолжаться имѣютъ, именно: По утру отъ 7 до 8 часу профессору Винцгейму математическую и физическую географію, отъ 8 до 9 часу доктору Амману ботаники и натуральной исторіи, адъюнкту Ададурову отъ 8 до 11 часовъ россійскому языку учить, въ субботу профессору Крафту отъ 10 до 11 часовъ физику и метафизику съ принадлежащими къ тому экспериментами показывать; отъ 11 до 12 часовъ профессору Стелину—нравоученіе; профессору Эйлеру — логику и высшую математику публично учить пополудни отъ 1 до 2 часу; доктору Дювернуа медицинскую практику отъ 2 до 3 часовъ; доктору Вильду анатоміи отъ 3 до 4 часу; профессору Гейнціусу астрономіи отъ 4 до 5 часу; профессору Вейтбрехту физіологіи, а притомъ профессору Лерху — универсальную исторію публично читать, а профессоръ Делиль на здѣшней обсерваторіи, при способномъ случаѣ, означеннымъ студентамъ практическую астрономію показывать будетъ. И для вѣдома о томъ, въ Правит. Сенатъ и въ Св. Правит. Cунодъ взнесть доношенія, а въ канцелярію шляхетскаго кадетскаго корпуса, главной артиллеріи, въ фортификаціонную контору, въ экспедицію адмиралтейсъ коллегіи, академіи и школъ послать промеморіи, при которыхъ приложить по одному тѣхъ лекцій каталогу, да и профессорамъ каждому отдать, и для того показанныхъ каталоговъ печатать сто экземпляровъ».

Студенты изъ семинаристовъ (1740 г.).

Въ 1740 году Сенатъ прислалъ восемь учениковъ изъ Московской Заиконоспасской академіи, для опредѣленія ихъ въ академическій университетъ; они были проэкзаменованы, и положено трехъ изъ нихъ готовить въ переводчики, четырехъ «въ математикѣ и астрономіи обучать, дабы они могли быть впредь геодезистами», и одного опредѣлить корректоромъ при типографіи.

Лекціи въ 1742 г.

Излагая исторію Академіи, Мюллеръ такъ описываетъ

1742 годъ: «Такъ какъ публичныя лекціи теперь должны были вновь начаться какъ для студентовъ, которые содержались на счетъ Академіи, такъ и для другихъ слушателей, желающихъ въ нихъ участвовать, то, для составленія и печатанія программъ лекцій, созвано было 10 августа чрезвычайное собраніе Академіи, на которомъ присутствовали Шумахеръ, Вейтбрехтъ, Крафтъ, Винцгеймъ, Ле-Руа, Гейнзіусъ, Вильде, Сигезбекъ, Геллертъ, Мула, Крузіусъ, Тепловъ и Ломоносовъ». Положено было начать чтеніе публичныхъ лекцій съ 1 сентября, а студенты росписаны между профессорами. Въ протоколѣ 3 сентября сказано: «По указу Ея Императорскаго Величества, Академія Наукъ приказали: по учиненному въ собраніи бывшихъ гг. профессоровъ Крафта, Винсгейма и Гейнзіуса росписанію, объявленнымъ во ономъ ученикамъ и студентамъ быть, для слушанія лекцій, каждому у своего профессора и адъюнкта, какъ во ономъ росписаніи явствуетъ, и для вѣдома и исполненія какъ въ конференціи къ г-ну профессору Винсгейму, такъ и къ г-ну унтеръ-библіотекарю Тауберту послать съ опредѣленія копіи, а имъ студентамъ и ученикамъ дать въ семъ общій указъ, съ пріобщеніемъ перевода съ онаго росписанія на россійскомъ языкѣ, чтобъ каждый свое дѣло и профессоровъ зналъ, у которыхъ лекцій слушать, подъ которымъ указомъ всѣмъ имъ во исполненіи потому своеручно подписаться». Изъ этого росписанія[1]) видно, что къ 12-ти преподающимъ профессорамъ и адъюнктамъ могли набрать только 12 студентовъ: семь изъ нихъ присланы были, какъ сказано выше, въ 1740 году изъ Заиконоспасской академіи, три иностранца, и двое только что окончившихъ курсъ въ академической гимназіи, Протасовъ и Котельниковъ, будущіе академики. И съ этими немногими студентами, какъ сейчасъ увидимъ, не занимались профессора какъ слѣдуетъ.

Преподававшій анатомію академикъ Вильде заявлялъ въ

[1]) См. приложеніе 1.

1736 году, что не можетъ исполнять данную ему инструкцію относительно чтенія лекцій, за неимѣніемъ слушателей. Астрономъ Делиль доносилъ 19 сентября 1742 года конторѣ Сената: «Хотя отъ самаго моего пріѣзда довольно требовалъ русскихъ студентовъ отъ Академіи, однако получить не могъ». Явилась опять мысль, мелькнувшая было въ 1735 году, комплектовать университетъ кадетами шляхетскаго корпуса. Академическій совѣтникъ Нартовъ представилъ 22 іюня 1743 года Сенату: «Всѣ профессоры тому ужъ близь года, по проекту блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, публичныхъ лекцій въ Академіи не читаютъ, элевовъ, или учениковъ россійской націи при себѣ не имѣютъ и не учатъ», поэтому онъ ходатайствовалъ, чтобъ Сенатъ приказалъ «для обученья имъ (профессорамъ) элевовъ, или учениковъ россійской націи, по проекту блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, пожаловать изъ кадетскаго корпуса семь или восемь человѣкъ такихъ кадетъ изъ шляхетства, которые бы нѣмецкаго, французскаго и латинскаго языку такъ довольно знали, чтобы ученіе и лекціи профессоровъ разумѣть, и отъ часу въ высшія науки простираться могли, которыхъ кадетовъ можно ободрить довольнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ ранговъ». Сенатъ однако не далъ кадетовъ университету.

Между тѣмъ, профессора уклонялись, какъ уже выше замѣчено, отъ занятій и съ тѣми студентами, которые посылались къ нимъ Академическою канцеляріею. Кромѣ только что приведеннаго свидѣтельства Нартова, въ октябрѣ 1744 года студенты Протасовъ и Котельниковъ представили въ Академію рапортъ, на нѣмецкомъ языкѣ, такого содержанія: «Во исполненіе послѣдовавшаго 18 октября приказанія канцеляріи Академіи Наукъ, отправились мы къ профессору Вейтбрехту, и заявили ему, что мы присланы къ нему канцеляріею, для слушанія лекцій по анатоміи; на что онъ намъ отвѣчалъ, что онъ профессоръ не анатоміи и медицины (онъ былъ академикомъ по каѳедрѣ физіо-

логіи), поэтому не обязанъ преподавать эту науку; если же Академія Наукъ пожелаетъ заключить съ нимъ на этотъ предметъ новый контрактъ, то онъ согласенъ преподавать анатомію, и въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ поэтому соотвѣтствующее представленіе Академіи» [1]). Академическая канцелярія не сдѣлала никакого распоряженія, и объявленныя профессорскія лекціи не состоялись.

И такъ, профессора жаловались на то, что у нихъ нѣтъ студентовъ, студенты на то, что профессора ихъ не учатъ; и то, и другое было справедливо, и требовалось доставить университету какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Такова была, между прочимъ, задача Высочайше утвержденнаго 25 сентября 1747 года Регламента Академіи Наукъ и Художествъ.

Академическій регламентъ 1747 г.

Академики, обязанные преподавать, въ такъ сказать, безстудентномъ университетѣ, стѣснялись этимъ обязательствомъ, отнимавшимъ у нихъ время отъ ученыхъ, чисто академическихъ занятій, и нерѣдко не исполняли его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, привыкшихъ къ преподаванію на каѳедрахъ германскихъ университетовъ. Регламентъ подраздѣлилъ академиковъ на двѣ категоріи: освобожденныхъ отъ преподаванія, и профессоровъ, читающихъ лекціи. Относящаяся до этого статья 1-я регламента изложена такъ: «Видно посему, что такіе люди (академики) заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобъ дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ; чего ради имъ времени мало остается на то, чтобъ обучать другихъ публично. И такъ опредѣляются особливые академики, которые составляютъ Академію и никого не обучаютъ, кромѣ приданныхъ имъ адъюнктовъ и студентовъ, и особливые профессоры, которые учить должны въ университетѣ, о которыхъ подъ учрежденіемъ университета опредѣлено будетъ. Но ежели нужда востребуетъ и время допуститъ, и академику трудиться въ университетѣ, въ такомъ случаѣ отдается на президентское разсужденіе, чтобы опредѣ-

[1]) См. приложеніе 2.

лить онъ могъ и академика по усмотрѣнію для читанія потребныхъ лекцій въ университетѣ».

Университетъ остался, по прежнему, при Академіи, что выражено въ статьѣ 36 регламента. «Россія», сказано въ ней, «не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ, но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что за первый случай учрежденіе Академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ иностранныхъ по большей части людей, а впредь должно оно состоять изъ природныхъ россійскихъ; того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется—университетъ». Наполненіе безлюднаго университета студентами уже давно, какъ мы видѣли, озабочивало Правительство. На гимназію, доставившую, въ продолженіе 20-ти лѣтняго своего существованія, лишь весьма не многихъ слушателей въ университетъ, расчитывать было нельзя, если не были бы приняты особыя мѣры, обезпечивавшія комплектъ учащихся. Съ этою цѣлію учреждались казеннокоштные студенты, въ числѣ 30 человѣкъ, съ общежитіемъ, и 20 степендіатовъ въ гимназіи. «Надлежитъ», сказано въ статьѣ 37-й регламента, «выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучшее усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при Академіи, давъ имъ жалованіе и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ; а чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ Академическомъ, и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ Академію Художествъ».

Составители регламента сознавали, по видимому, однако, что такое ничтожное число казеннокоштныхъ студентовъ и учениковъ гимназіи не можетъ удовлетворить образовательныхъ потребностей обширнаго государства. «Ежели такимъ образомъ», сказано въ статьѣ 39-й, «заведены науки, то сіе извѣстно, что

въ государствѣ люди способные весьма надобны, и такъ изъ университета не одни только будутъ такіе происходить, которые бы наполняли корпусъ Академической; но то бы весьма не мѣшало, ежели бы во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутри и внѣ государства были Россійскіе люди ученые». Для этого привлекался и кадетскій корпусъ, въ которомъ надѣялись отъискать тоже слушателей профессорскихъ лекцій. «Для сего надобно изъ кадетскаго корпуса тѣхъ, кто желаетъ и статскихъ наукъ обучаться, на такія лекціи въ университетъ отсылать, которыхъ у нихъ не учатъ, дабы профессоры никогда не были праздны, и тѣмъ не отговаривался, что у нихъ нѣтъ учениковъ». (статья 40). Доступъ въ университетъ открытъ былъ для лицъ всѣхъ сословій, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. Университетъ не предоставлялъ прежде никакихъ служебныхъ правъ окончившимъ въ немъ курсъ, какъ другія спеціальныя высшія заведенія, и этимъ объясняли неимѣніе желающихъ поступать въ него. Это препятствіе къ пополненію университета студентами отстранялось отчасти слѣдующимъ постановленіемъ: «Кто обучался на своемъ содержаніи, того Академія въ свою службу удержать не можетъ, и онъ къ корпусу академическому не принадлежитъ; а ежели обучатся такіе люди высокихъ наукъ, о такихъ дѣлать представленіе въ надлежащихъ мѣстахъ, дабы они опредѣлены были въ штатскіе чины по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ армейскихъ». (статья 42).

Точнаго раздѣленія наукъ по факультетамъ не сдѣлано; сказано только, что «лекціи имѣютъ быть трехъ классовъ, какъ то: математическія, физическія и гуманіора» (статья 38). 45 статья исчисляетъ науки, преподаваемыя въ университетѣ. «Науки», сказано въ ней, «въ университетѣ отправляются слѣдующія: 1) латынскій языкъ чрезъ русской, въ который не долженъ мѣшаться никакой иностранный — французскій и нѣмецкій; 2) просодія; 3) языкъ греческій; 4) латинское краснорѣчіе; 5) ариѳметика; 6) рисовать; 7) геометрія и прочія части математики;

8) географія, исторія, генеалогія и геральдика; 9) логика и метафизика; 10) физика теоретическая и экспериментальная; 11) древности и исторія литеральная; 12) права натуральныя и философія практическая, или нравоучительная». На всѣ эти предметы назначено было пять профессоровъ.

Наборъ студентовъ изъ семинаристовъ въ 1748 году.

Предоставленіемъ президенту Академіи выбрать въ университетъ, на основаніи 37 статьи Регламента, «изъ училищъ Россійскихъ 30 учениковъ способныхъ и знающихъ уже латынскій языкъ», ясно указывалось на духовно-учебныя заведенія, въ которыхъ только и учились тогда по латыни. По этому, «въ канцеляріи Академіи Наукъ за благо разсуждено», сказано въ протоколѣ 9 февраля 1748 года, «чтобы тѣ ученики имѣли быть выбраны токмо изъ семинарій Александроневскаго монастыря и изъ Новгородской, да изъ Москвы изъ училищнаго Спасскаго монастыря по пропорціи, того ради опредѣлено: въ Свят. Синодъ взнесть доношеніе, которымъ требовать, егда отъ Академіи для выбору тѣхъ учениковъ опредѣлены будутъ профессоры, и кто изъ учениковъ, по ихъ изобрѣтенію, способенъ въ Академію явится, оныхъ бы изъ тѣхъ мѣстъ отпущать безпрекословно, причемъ бы тѣ учители, у которыхъ выбранные ученики учились, профессорамъ Академическимъ давали бъ о состояніи ихъ и о добронравіи аттестаты». Для выбора семинаристовъ въ Академическій университетъ назначены были: въ Александроневскую семинарію профессора Фишеръ и Броунъ, и адъюнктъ Тепловъ, а въ Московскую славяно-греко-латынскую Академію и въ Новгородскую семинарію посланъ былъ профессоръ Тредьяковскій. Такимъ образомъ, Заиконоспасская Академія, Петербургская и Новгородская семинаріи должны были доставить университету по десяти студентовъ; но Петербургскій архіепископъ Ѳеодосій, несмотря на настоянія Академіи, согласился уступить изъ своей семинаріи только четырехъ учениковъ, такъ что общее число студентовъ изъ семинаристовъ составило 24 человѣка, и въ числѣ ихъ весьма извѣстный впослѣдствіи академикъ Румовскій. Выбранные въ Александроневской семи-

наріи четыре ученика не были достаточно подготовлены для слушанія профессорскихъ лекцій, потому сдѣлано было распоряженіе «обучаться имъ нѣкоторое время въ гимназіи, ибо оные отъ профессоровъ принимать лекціи не гораздо еще въ хорошемъ состояніи»; кромѣ того, еще двухъ изъ присланныхъ въ студенты семинаристовъ велѣно было «послать на нѣсколько времени въ Академическую гимназію латынскому языку учиться».

Ректорство Мюллера (1748—1750 года). Распредѣленіе лекцій въ 1748 г.

10 ноября 1747 года Мюллеръ назначенъ былъ ректоромъ университета.

Въ мартѣ 1748 года предложено было профессорамъ представить немедленно ихъ программы, а 18 апрѣля начать чтеніе лекцій; но это не состоялось, какъ видно изъ протокола 14 апрѣля, въ которомъ сказано: «Хотя минувшаго марта отъ 29 числа сего года посланныхъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ въ собраніе историческое[1]) указовъ и велѣно, чтобы господамъ профессорамъ читать лекціи студентамъ, и къ начатію того назначено 18 число сего апрѣля, но понеже нынѣ какъ для худаго проходу чрезъ рѣку, такъ и за не взятьемъ остальныхъ изъ Невской семинаріи студентовъ, въ предположенное число начать лекціи невозможно, что отмѣняется до будущаго времени, какое назначено будетъ отъ канцеляріи». Несмотря на это, протоколомъ 19 апрѣля сдѣлано было слѣдующее распредѣленіе лекцій: «Понеже въ силу апробованнаго и собственноручно подписаннаго отъ Ея Императорскаго Величества о Академіи регламента», сказано въ этомъ протоколѣ, «профессоры академическіе должны студентамъ потребныя давать лекціи, того ради опредѣлено: 1) профессорамъ Тредіаковскому учить латынской элоквенціи, Крузіусу толковать латынскихъ авторовъ, древности и о чи-

[1]) 24 марта 1748 года опредѣлено быть при Академіи «особливому профессорскому собранію, которое называться должно собраніе историческое. Во ономъ все то прочтено и пересмотрѣно быть имѣетъ, что въ департаментѣ историческомъ сочинено будетъ, такожде и сочиненія, стихотворенія, критическія, философскія, и всѣ гуманіора, а при ономъ и расположенія, касающіяся до университета и гимназіи». Секретаремъ въ это собраніе назначенъ былъ Тредіаковскій.

стотѣ штиля, а при томъ бы и лекціи о исторіи литеральной давать, Фишеру — универсальной исторіи и хронологіи, Броуну давать курсъ философской, Рикману — математической, Вицгейму на обсерваторіи показывать охотникамъ руководство къ астрономіи и географіи, Бургарду читать курсъ анатомическій, Ломоносову — химическій, адъюнкту Крашенинникову учить исторіи натуральной и ботаникѣ, профессору Штрубу изъяснить натуральныя и народныя права, ректору и историографу Миллеру написать каталогъ лекціямъ и программу на латынскомъ языкѣ, которую программу перевесть на россійскій языкъ профессору Ломоносову, послѣ чего оное, по апробаціи и подписаніи патентною формою, напечатать. А дабы въ Россійской Имперіи извѣстно было какимъ наукамъ при Академіи въ Санктпетербургѣ въ университетѣ обучаютъ, то тому нѣсколько сочиня экземпляровъ, послать въ Св. Прав. Cунодъ, въ Прав. Сенатъ, въ коллегіи, канцеляріи и конторы, а нѣсколько и къ вѣдомостямъ пріобщить. Въ расположеніи дней и часовъ ректору и историографу Миллеру смотрѣть того, чтобъ тѣ часы академиковъ не отданы были на лекціи, которые имъ опредѣлены на собраніе, такимъ же образомъ и того же наблюдать и въ разсужденіи членовъ собранія историческаго. А при томъ университетскимъ профессорамъ опредѣлено было но два часа на день для читанія лекцій».

Профессора все таки не начинали лекцій, и студенты оставались безъ занятій; только Тредіаковскій и Крузіусъ изготовили свои курсы, потому и предложено имъ было преподавать порученные имъ предметы. «Понеже для нѣкоторыхъ резоновъ», сказано въ протоколѣ 11 мая, «еще всѣ лекціи при университетѣ начать невозможно, а присланные изъ Москвы и Новагорода студенты до тѣхъ поръ напрасно время свое тратить могутъ, того ради въ канцеляріи опредѣлено: господамъ профессорамъ Тредіаковскому начать свои лекціи съ пятаго на десять числа сего мѣсяца о штилѣ и чистотѣ латынскаго языка, а Крузіусу начать толковать авторовъ классическихъ, исторію

литеральную соединя съ древностями. Господинъ Тредіаковскій имѣетъ читать свои лекціи всѣмъ двадцати студентамъ пополудни отъ втораго по пятой часъ, а Крузіусу поутру отъ девятаго по двѣнадцатой часъ, также для всѣхъ студентовъ. Оныя лекціи такимъ порядкомъ продолжаться имѣютъ по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ, пятницамъ и субботамъ, до тѣхъ поръ, пока генеральное для другихъ профессоровъ и ихъ лекцій распредѣленіе учинено не будетъ. А какихъ авторовъ и какимъ методомъ трактовать помянутыя лекціи профессоры Тредіаковскій и Крузіусъ намѣрены, о томъ имъ подать въ канцелярію репортъ».

Изъ дѣлъ Академической канцеляріи не видно, чтобы постановленное ею распредѣленіе лекцій между профессорами когда либо было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ, одинъ изъ двухъ преподававшихъ профессоровъ былъ въ скорости уволенъ. Въ протоколѣ 27 апрѣля 1749 года находимъ: «Указомъ Ея Императорскаго Величества, полученнымъ изъ Москвы отъ главной конторы Академіи Наукъ сего апрѣля отъ 20 числа велѣно: профессора Крузіуса, весьма за худые его и предосудительные къ Академіи поступки, изъ службы Академической отпустить и жалованья ему производить токмо мая по 1 число сего 1749 году, а профессору Фишеру велѣть учить въ университетѣ элоквенціи, а историографу Миллеру — исторіи, и при томъ немедленно выписать другаго способнаго и въ латынскомъ штилѣ искуснаго человѣка». Но Фишеръ этого не исполнилъ: «хотя профессору Фишеру», сказано въ протоколѣ 18 іюня 1750 года «велѣно было продолжать лекціи профессора Крузіуса, но того и по нынѣ не учинено, подъ такимъ видомъ, что смотрѣніе надъ студентами и ректорство въ гимназіи столь много труда ему причиняютъ».

Еще прежде увольненія Крузіуса, именно въ февралѣ, прекращены были лекціи Тредіаковскаго о красотѣ латынскаго языка, для того, чтобы доставить студентамъ болѣе времени къ занятію новыми иностранными языками.

Инспекторство Фишера (1748—1750 г.). — Студенческое общежитіе (1748 года).

Студенты обязаны были, по академическому регламенту, жить въ одномъ домѣ; надзоръ за ними порученъ былъ профессору Фишеру, которому отведена была въ томъ же домѣ квартира. «Понеже академическіе студенты», сказано въ протоколѣ 3 августа 1748 года, «жительство свое имѣютъ въ домѣ бароновъ Строгановыхъ въ особливыхъ покояхъ, а надзирателя надъ ними такого, который бы могъ ихъ подъ своимъ всегдашнимъ смотрѣніемъ имѣть, еще не опредѣлено, а за потребно разсуждено всѣхъ студентовъ въ смотрѣніе препоручить г-ну профессору и гимназіи ректору Фишеру, чего ради неотмѣнно надлежитъ ему г-ну профессору и самому, для близости и наивсегдашнему надъ ними надзиранію, жительство имѣть въ томъ же домѣ». Предполагалось принять студентовъ на полное казенное содержаніе; но академическая канцелярія нашла нужнымъ спросить сначала ихъ самихъ: согласны ли они на то. «Понеже канцелярія Академическая», записано въ протоколѣ 15 октября, «имѣетъ намѣреніе, чтобы всѣхъ академическихъ студентовъ содержать какъ пищею, такъ платьемъ и обувью, и прочимъ на коштѣ казенномъ, а жалованья бъ имъ уже такого, какое нынѣ кто получаетъ, не производить; однако могутъ ли то студенты за удовольствіе себѣ почесть, того еще не извѣстно; того ради опредѣлено: къ профессору Фишеру послать ордеръ, чтобъ оный, всѣхъ студентовъ соединя, взялъ отъ нихъ голосы: желаютъ ли они быть на такомъ казенномъ содержаніи, или желаютъ всѣ остаться на нынѣшнемъ содержаніи». Студенты отказались отъ казеннаго содержанія, и мысль объ устройствѣ интерната была оставлена. Въ протоколѣ 26 мая 1749 года значится: «Понеже въ прошломъ 1748 году канцелярія академическая имѣла намѣреніе, чтобъ всѣхъ академическихъ студентовъ содержать на казенномъ провизіею трактаментѣ, чего ради и принятъ былъ въ повары дворцоваго умершаго истопника Аѳанасья Яковлева сынъ его Алексѣй Афанасьевъ, съ жалованьемъ по 50 рублевъ въ годъ, о чемъ и опредѣленіе учинено августа 10 дня 1748 году, а октября 24 числа по нежеланію студен-

товъ быть на казенномъ трактаментѣ, оное канцелярскою резолюціею отмѣнено, чего ради и помянутому Алексѣю Афанасьеву поваромъ уже быть не при чемъ».

Студенты стѣснялись, повидимому, общежитіемъ и старались, подъ разными предлогами, хотя временно изъ него высвободиться; такъ стали они проситься ходить ко всенощной. «Въ канцелярію Академіи Наукъ», сказано въ протоколѣ 10 мая 1749 года, «отъ профессора и гимназіи ректора Фишера репортомъ представлено о студентахъ, что они требуютъ себѣ позволенія ходить къ всенощному бдѣнію, а въ которые дни, тому приложенъ отъ него реестръ, а позволенія онъ имъ въ томъ дать безъ канцеляріи не можетъ. И на оное объявить ему ордеръ, что сіе дѣло весьма за полезное и по закону христіанскому благоугодное почитается, о такомъ ихъ желательствѣ и ревности добрые службы, не токмо въ праздничные, но и въ воскресные дни ко всенощнымъ и къ божественной литургіи желающихъ отпускать дозволяется; только того накрѣпко ему надъ ними наблюдать, чтобъ, по отшествіи всенощной и обѣдни, (о чемъ извѣстно всякому какое время тѣми службами занимается) всѣ единокупно въ настоящій часъ возвратились и въ квартирахъ своихъ были. Надлежитъ же крайне примѣчать, чтобъ, подъ видомъ всенощной или обѣдни, инымъ какимъ случаемъ кто изъ нихъ не пользовался; ежели же, паче чаянія, кто, вмѣсто богомолія, будетъ въ какомъ иномъ мѣстѣ, и явится въ пьянствѣ, или въ иной какой продерзости, о такихъ непремѣнно ему репортовать въ канцелярію».

Академическое начальство имѣло основаніе не довѣрять особой религіозности студентовъ и не полагаться на ихъ добронравіе, потому что еще прежде знало о дурномъ поведеніи многихъ изъ нихъ. Такъ въ протоколѣ 8 февраля 1749 года отмѣчено: «Въ прошломъ 1748 году августа 5 числа, по опредѣленію канцеляріи Академіи Наукъ, посланъ ордеръ гимназіи къ ректору и профессору г-ну Фишеру, въ которомъ, между прочимъ, написано, чтобъ надъ студентами прилѣжное имѣть смотрѣніе,

дабы въ свободное время отъ лекцій всегда были при своихъ квартирахъ, и крайне наблюдать, чтобъ между ими пьянства не происходило, и въ квартирѣ поступали бъ благочинно. А понеже нынѣ въ канцеляріи увѣдомленось, что студенты по ночамъ гуляютъ и пьянствуютъ, и въ подозрительные домы ходятъ, и оттого опасныя болѣзни получаютъ, и ученіе свое тѣмъ оставляютъ, и, во отвращеніе всего того, послать къ помянутому господину Фишеру въ подтвержденіе ордеръ, чтобъ онъ прежній ордеръ со всякимъ прилѣжаніемъ исполнялъ, и по ночамъ въ квартирахъ всѣхъ студентовъ самъ осматривалъ, не полагаясь въ томъ на старшихъ студентовъ, а къ надзирателю Боку послать ордеръ же, чтобъ онъ въ домѣ Строгановыхъ ворота и калитку, которые къ Демидову дому, также и дверь на крыльцо изъ сѣней палатныхъ къ рѣкѣ на глухо заперъ, чтобъ отнюдь ни мало ходу никому не было, а былъ бы только ходъ въ одни ворота; а часоваго поставить на дворъ въ сѣняхъ и приказать на-крѣпко чтобъ ни одного студента днемъ, а особливо ночью съ двора отнюдь не спускать, а развѣ о которомъ отъ профессора Фишера приказано будетъ».

Фишеръ былъ вспыльчивъ и крайне раздражителенъ, что не могло не быть извѣстнымъ Академіи, послѣ разныхъ эксцентрическихъ его выходокъ во время Сибирскаго путешествія. Онъ не могъ справиться съ 20 студентами, и требовалъ крутыхъ противъ нихъ мѣръ. «Отъ профессора и ректора Фишера марта 20 данъ репортъ», записано въ протоколѣ 7 апрѣля 1749 года, «которымъ онъ объявляетъ, что студенты день ото дня, отъ часу, хуже себя ведутъ, и ихъ безъ великаго принужденія усмирить не возможно, и для того проситъ дать въ университетѣ шесть или восемь человѣкъ солдатъ, которые бъ были подъ его командою. Но понеже имѣющіеся при Академіи Наукъ караульные солдаты такъ раздѣлены, что ни одного солдата изъ нихъ въ другое мѣсто командировать нельзя, и для наступающей компаніи (тогда дѣлались приготовленія на случай войны съ Швеціею) прибавки оныхъ надѣяться не можно,

то въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: на первый пунктъ первое дать Фишеру ординарца изъ академическихъ солдатъ Астафья Табырева, которому безъотлучно при немъ быть, и всѣ приказанія его, до казенныхъ нуждъ касающіяся, безъ всякой отговорки исполнять; второе, академическому караульному унтеръ-офицеру приказать, что ежели профессоръ Фишеръ чрезъ даннаго ему ординарца потребуетъ солдатъ, и прикажетъ кого нибудь взять подъ караулъ, тобъ учинить ему оное, не спрашиваясь уже канцеляріи, а на другой день репортовать о томъ въ канцелярію, что чинить и профессору Фишеру; на второй пункъ пріискать ему Фишеру двухъ человѣкъ добросовѣстныхъ и трезвыхъ, на которыхъ бы ему положиться можно было, и канцеляріи ихъ представить, а канцелярія, принявши ихъ, ему отдастъ; на третій пунктъ, понеже ему опредѣленъ въ первомъ пунктѣ ординарецъ, то особливый человѣкъ ему уже не надобенъ; на четвертый пунтъ, немедленно подать ему о семъ въ канцелярію свое мнѣніе, послѣ чего воспослѣдуетъ на то опредѣленіе; на пятый пунктъ, часовому стоять не у воротъ, но на крыльцѣ, караульному унтеръ-офицеру послать ордеръ, чтобъ онъ часовымъ отдалъ строгій приказъ, дабы они студентовъ со двора не спускали, и не брали за то съ нихъ окупу, и которые въ томъ приличатся, то бъ по военному порядку жестоко наказаны были».

Вѣроятно, Фишеръ жаловался въ то же время на студентовъ и президенту Академіи графу Разумовскому, находившемуся тогда въ Москвѣ, потому что въ протоколѣ 14 апрѣля сохранилось такое постановленіе: «Указомъ Ея Императорскаго Величества, присланнымъ изъ Москвы, изъ главной канцеляріи[1]) Академіи Наукъ (то есть отъ Теплова, секретаря президента) отъ 6 числа сего апрѣля подъ № 58, здѣсь же полу-

[1]) Въ декабрѣ 1748 года графъ Разумовскій, отправляясь въ Москву, для сопровожденія Императрицы, устроилъ двѣ Академическія канцеляріи: Петербургскую подъ вѣденіемъ Шумахера и главную Московскую, подъ начальствомъ Теплова.

ченнымъ сего-жъ апрѣля 12 числа, велѣно: студентовъ Алексѣя Протасова, Василья Теплова и Антона Барсова, что они прошедшаго февраля 28 числа били студента жъ Козленицкаго, посадить въ карцеръ и держать двѣ недѣли, и давать имъ чрезъ то время одинъ хлѣбъ съ водою, а денегъ имъ не давать больше какъ потребное число во время ихъ сидѣнія и, по освобожденіи, по препорціи, а впредь, смотря по винамъ, штрафовать тѣхъ студентовъ, до апробаціи университетскаго регламента, по разсужденію здѣшней Санкпетербургской канцеляріи Академіи Наукъ.

Занятія студентовъ (1749 года).

Студенты изъ семинаристовъ не знали новыхъ иностранныхъ языковъ; нѣкоторые изъ нихъ пожелали выучиться по французски и по нѣмецки, потому ректоръ Мюллеръ представилъ о преподаваніи имъ этихъ предметовъ учителями гимназіи, что и было разрѣшено. «Указомъ Ея Императорскаго Величества изъ главной канцеляріи Академіи Наукъ», говорится въ протоколѣ 23 февраля 1749 года, «повелѣно: «по репорту г-на профессора Миллера въ университетѣ студентамъ учиться нѣмецкому и французскому языку, ибо безъ разумѣнія оныхъ благопоспѣшества въ наукахъ довольно быть не можетъ, въ назначенные отъ него г-на Миллера часы, чего ради желающимъ студентамъ дать въ томъ волю, а за первый случай, понеже свободнѣе нѣтъ, опредѣлить велѣно изъ гимназіи двухъ учителей, а именно: Герварта для начала французскаго языка и Миллера для нѣмецкаго языка». Прилѣжнѣйшіе изъ студентовъ сами сознавали недостаточную свою подготовленность въ латинскомъ языкѣ и по другимъ предметамъ, и просили дать имъ возможность доучиться по нимъ». Мюллеръ находилъ, что лучше всего было бы учредить для этого при гимназіи старшій, или ректорскій классъ, а до тѣхъ поръ поручить одному изъ профессоровъ заниматься съ ними. Это изложено въ протоколѣ 11 октября 1749 года: «На поданное отъ профессора и историографа Миллера сего октября 6 числа доношеніе, въ которомъ онъ представляетъ, что, за недостаткомъ нѣкоторыхъ университет-

скихъ студентовъ въ латынскомъ языкѣ и въ другихъ школьныхъ наукахъ, и по просьбѣ нѣкоторыхъ студентовъ, а именно: (слѣдуютъ десять фамилій, въ томъ числѣ Степанъ Румовскій) дабы приложить стараніе о обученіи ихъ вышеписаннымъ школьнымъ наукамъ, необходимо нужно при гимназіи учредить верхній классъ ректорскій, въ которомъ такіе студенты, вмѣстѣ съ учениками гимназіи обучены быть должны; а пока сіе не сдѣлается, то бъ кого назначить изъ профессоровъ, который бы грамматическія и реторическія правила имъ толковалъ, и задавалъ имъ компановать разныя экзерциціи, до штиля и до ораторіи касающіяся, и оныя экзерциціи поправлялъ бы, съ обстоятельнымъ изъясненіемъ, понеже, безъ такого основанія, всѣ труды ихъ въ вышнихъ наукахъ будутъ втуне, и Академіи впредь осужденіе. Того ради въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: писать о семъ къ профессору и ректору гимназіи Фишеру, и требовать на то отъ него мнѣнія и способовъ какъ помянутыхъ студентовъ, до учрежденія верхняго класса, ректорскаго, должно обучать штилю, дабы они въ своемъ ученіи остановки не имѣли». Нельзя не признать полной основательности мнѣнія Миллера, что, для сознательнаго усвоенія университетскаго курса, молодымъ людямъ необходимо пройдти предварительно серьезную гимназическую школу, чего не сознавали многіе изъ его современниковъ, и что, къ сожалѣнію, не всѣми раздѣляется и въ наше время.

Студенты, болѣе другихъ подготовленные, обучали своихъ товарищей, и ими, между прочимъ, воспользовался президентъ Академіи, чтобы занять студентовъ во время вакацій. Это записано въ протоколѣ 2 августа 1749 года. «Понеже его сіятельство Академіи Наукъ господинъ президентъ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій отъ 17 числа минувшаго іюля сего года письменно приказалъ, чтобъ студенты, во время вакаціи, совсѣмъ праздны не были, того ради дабы студенты Котельниковъ и Кузнецовъ, также и учители Гервартъ и Шенингъ продолжали ихъ обыкновенныя лекціи; а, сверхъ того,

учителю Андрею Грекову учить оныхъ студентовъ въ недѣлю по четыре раза рисовальному художеству, а въ прочіе дни тѣмъ студентамъ переписывать рѣчь г-на профессора Миллера, состоящую въ двадцати листахъ и исторію камчатскую, сочиненную адъюнктомъ Штеллеромъ, состоящую въ пяти дестяхъ». (Стеллеръ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ естественной исторіи; съ 1737 года путешествовалъ по Сибири, и умеръ на возвратномъ изъ нея пути въ Тюмени въ 1746 году. Составленное имъ описаніе Камчатки издано, на нѣмецкомъ языкѣ, въ 1774 году).

Нѣкоторые студенты преподавали въ гимназіи, что не могло не мѣшать ихъ университетскимъ занятіямъ, и Мюллеръ на это указывалъ, но безуспѣшно. Въ протоколѣ 18 мая 1750 года записано: студенты Волковъ, Сафоновъ и Барсовъ нѣсколько часовъ послѣ полудня учатъ въ гимназіи ариѳметикѣ, а изъ репорта г-на профессора Миллера, поданнаго имъ послѣ экзамена, надлежитъ заключить, якобы, упражняясь въ томъ, имѣли остановку въ настоящемъ своемъ ученіи. А понеже канцелярія Академіи Наукъ никоимъ образомъ допустить не намѣрена, чтобъ студентамъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, могло причиниться какое препятствіе въ ихъ ученіи, того ради г-ну профессору Фишеру симъ повелѣвается выбрать къ тому дѣлу охочихъ, которые бы письменно объявили, что такое дѣло упражняться имъ въ наукахъ не мѣшаетъ, и что такой трудъ добровольно принимаютъ на себя изъ награжденія, и о томъ въ канцелярію немедленно репортовать; почему канцелярія тѣмъ, которые примутъ на себя такое ученіе, опредѣляетъ награжденіе до 24-хъ рублевъ, сверхъ настоящаго ихъ жалованья». Соблазненные, вѣроятно, такимъ вознагражденіемъ, и уговоренные ректоромъ гимназіи, эти студенты согласились продолжать давать уроки въ гимназіи; въ протоколѣ 31 іюня записано: «сего мая 22 числа профессоръ Фишеръ репортомъ представилъ, что къ тому обученію студенты сами охотно желаютъ: Барсовъ, Сафоновъ и Волковъ, съ обѣщаннымъ имъ награжденіемъ, и тому уже обучаютъ».

Вакаціонное время въ университетѣ. (1749 г.).

Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени утвержденія Академическаго регламента, послѣдовало относительно профессоровъ университета только одно распоряженіе президента, касающееся до вакацій. Графъ Разумовскій назначилъ было для нихъ время, но оказалось, что профессора еще прежде опредѣлили сами себѣ вакаціонное время и уже воспользовались имъ. Протоколъ 10 августа 1749 года описываетъ это такъ: «Понеже въ полученномъ изъ Москвы отъ ассесора г. Теплова къ совѣтнику г-ну Шумахеру сего августа 9 числа письмѣ написано: Его Сіятельство г-нъ президентъ, въ надеждѣ той, что г-да профессоры, разумѣя довольно силу Академическаго регламента, ничего собою не дѣлаютъ, безъ указа президентскаго, что касается до должности ихъ, и для того отъ 12 числа прошлаго мѣсяца далъ позволеніе имъ вакаціи имѣть до сентября 5 числа. А понеже они, несмотря на власть президентскую, сами себѣ опредѣлили гуляющіе дни, отъ 12 іюля по 12-ое августа, и по тому исполненіе дѣлаютъ; и его сіятельство приказалъ объявить, чтобъ прежній ордеръ о вакаціяхъ и вовсе уничтожить; и съ 13 августа вступить имъ въ свой трудъ неотмѣнно; а по какому указу и по которому регламента Академическаго пункту они сами себѣ, безъ воли главнаго ихъ коменданта, опредѣляютъ себѣ гуляющіе дни, такъ какъ то уже и неоднократно учинили, требовать отъ канцеляріи Санктпетербургской немедленно за ихъ руками отвѣта; ибо когда въ Академическомъ регламентѣ ничего о гуляющихъ дняхъ не упомянуто, а оставлено сіе до регламенту университетскаго, то тѣмъ больше должность ихъ есть или требовать о такихъ вакаціяхъ особливой резолюціи, или ожидать особливыхъ ордеровъ о томъ имъ объявлено будетъ, а предъускорять президентскихъ повелѣній своими опредѣленіями не должно. Того ради опредѣлено: въ академическое и историческое собранія, въ академію художествъ, въ университетъ профессорамъ, съ прописаніемъ о всемъ вышеписанномъ, дабы оные г-да профессоры о томъ немедленно исполненіе учинили, послать указы».

Учрежденіе о университетѣ 1750 г.

Академическимъ регламентомъ предоставлено было президенту академіи утвердить своею властію уставъ для университета. Графъ Разумовскій поручилъ составленіе этого устава Мюллеру, какъ ректору университета. «Понеже г-нъ профессоръ и историографъ Миллеръ опредѣленъ при Академіи Наукъ въ университетѣ ректоромъ» значится въ протоколѣ 13 іюня 1748 года, «а по силѣ регламента академическаго, за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Императорскаго Величества конфирмованнаго, должно оному университету предписать особливый регламентъ, именемъ президентскимъ, по которому поступать должны учащіе и обучающіеся; того ради опредѣлено: помянутому г-ну ректору Миллеру сочинить со всякимъ осмотрительствомъ такія регулы для университета, какія бы какъ въ наукахъ, такъ и въ благонравіи учащихся поспѣшествовать могли, и, оныя сочиня, подать въ канцелярію для апробаціи». Когда приступили къ исполненію этого проекта, то убѣдились, что нѣтъ возможности составить университетскій уставъ, потому, что настоящій университетъ въ дѣйствительности не существовалъ, и не изъ чего было его составить, какъ по недостатку профессоровъ, такъ и по крайней незначительности числа студентовъ; поэтому, вмѣсто устава, сочинена была временная инструкція. Графъ Разумовскій объявилъ объ этомъ 10 августа 1750 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Понеже въ академическомъ регламентѣ въ 44 пунктѣ написано всѣ какъ профессоры и учители, такъ студенты и ученики, на академическомъ и своемъ содержаніи обрѣтающіеся, подвержены регламенту, который президентомъ сочиненъ быть долженъ, по примѣру европейскихъ университовъ, какимъ образомъ, и когда чего учить и обучаться; но понеже какъ учащіе, такъ и учащіеся понынѣ не находятся еще въ такомъ состояніи, по которому можно бы было сдѣлать совершенно университетскій регламентъ, а дабы въ семъ не произошло какого упущенія, то за благо я разсудилъ: до сочиненія регламента, учинить инструкцію, или учрежденіе на время о университетѣ и гимназіи».

Это «учрежденіе о университетѣ и гимназіи» не болѣе какъ дисциплинарныя правила, относящіяся какъ до профессоровъ, такъ въ особенности до студентовъ. О профессорахъ сказано въ статьѣ 25-ой: «Понеже съ удивленіемъ извѣщаюсь, что нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ на лекціи свои безъ важныхъ причинъ либо вовсе не приходятъ, либо и приходятъ, да поздно, то за необходимую нужду почтено на такихъ лѣностныхъ положить штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ вычитать дневное жалованье по окладу». Взысканія со студентовъ изложены подробно въ статьѣ 6-й слѣдующимъ образомъ: «Имѣть ему (ректору университета) смотрѣніе за ученіемъ и поступками жалованныхъ (то есть состоящихъ на жалованьѣ, или казенныхъ) студентовъ, и смотрѣть, чтобъ они добропорядочно жили, также и въ наукахъ по надлежащему упражнялись бы. Ежели же кто изъ нихъ въ чемъ провинится, то, по разсмотрѣнію дѣла, приказать ему штрафовать, а въ штрафованіи поступать такъ: 1) Ежели кто ослушаніе главной командѣ академической сдѣлаетъ, или какое либо непочтеніе, о такихъ ему немедленно репортовать въ канцелярію, дабы не упущено было съ ними поступить по указу, а до резолюціи отдать подъ караулъ. 2) Ежели противъ ректора и его адъюнкта, то за ректора на двѣ недѣли въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, а за адъюнкта на недѣлю. 3) Ежели профессоровъ и учителей, то за профессоровъ на недѣлю въ карцеръ, а за учителей на три дни. 4) Ежели обидятъ товарищей, или другаго кого словомъ, то въ карцеръ на день, а рукою, то въ канцелярію репортовать. 5) Ежели напьется пьянъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за другой—на двѣ, за третій въ канцелярію репортовать. 6) Ежели безъ вѣдома ректорскаго, или его адъюнкта, съ двора кто сойдетъ, то за первый разъ, по разсужденію ректорскому, посадить въ карцеръ, за другой—вдвое, за третій репортовать. 7) Ежели дома не ночуетъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за второй вдвое, за третій репортовать. 8) Ежели не придетъ на лекціи, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на не-

дѣлю, за второй на двѣ, за третій—на три, и такъ далѣ. 9) Ежели заданаго уроку не выучитъ, то за первый разъ—въ сѣрый кафтанъ на день, за другой—на два, за третій—на три, и такъ далѣ. 10) Ежели въ кражѣ приличится, то репортовать въ канцелярію, а до резолюціи подъ караулъ отдать. 11) Чего ради при университетѣ имѣть нарочно сдѣланныхъ пять сѣрыхъ кафтановъ, и смотрѣть, чтобы штрафованные въ сѣрыхъ кафтанахъ такожде лекцій публичныхъ никакихъ не пропускали».

Ректорство Крашенинникова и инспекторство Модераха (1750—1755 г.).

Еще прежде утвержденія «Учрежденія о университетѣ», именно въ іюнѣ, уволены были Мюллеръ отъ ректорства, а Фишеръ отъ надзора за студентами, а ректоромъ университета назначенъ профессоръ Крашенинниковъ, «и къ нему придать», прибавлено въ протоколѣ 18 іюня, «адъюнкта г-на Модераха такимъ образомъ, чтобъ онъ, въ отсутствіе профессорскаго, подъ его смотрѣніемъ, исправлялъ все, что профессору желать должно».

При введеніи новыхъ правилъ для студентовъ, графъ Разумовскій, желая поощрить ихъ, приказалъ роздать шпаги 12-ти лучшимъ изъ нихъ (въ томъ числѣ Румовскому), что и занесено въ протоколъ 6 сентября такъ: «Его Высокографское Сіятельство, Академіи Наукъ г-нъ президентъ, за прилѣжное обученіе и за добрые поступки, изволилъ пожаловать шпаги нижеписаннымъ академическимъ студентамъ, а именно (слѣдуютъ ихъ фамиліи), и тѣ шпаги сего сентября 6 числа, во время публичной въ Академіи асамблеи, взнесены».

Напротивъ того, новый ректоръ университета дѣйствовалъ мѣрами строгости, какъ относительно профессоровъ, такъ и со студентами.

Прежде всего напалъ онъ на Мюллера, въ подчиненіи коего онъ находился, еще бывши студентомъ, во время сибирскаго путешествія, и выражаясь словами самого Мюллера, Крашенинниковъ «былъ у него подъ батожьемъ». Профессорамъ назначено было начать лекціи 10 сентября, и каѳедра исторіи отведена была Мюллеру; онъ отказался отъ нея, потому что уже

18 лѣтъ какъ не читалъ никакихъ лекцій. Вслѣдствіе этого состоялось 13 сентября слѣдующее постановленіе академической канцеляріи: «Понеже профессору исторіи, по новописанному о университетѣ и гимназіи учрежденію августа 10 дня сего 1750 года, по параграфу 15-му, назначено читать лекціи по понедѣльникамъ, вторникамъ, средамъ, четвергамъ и субботамъ 12 час., и толковать универсальную исторію съ хронологіею, и европейскую исторію, и политическую географію, которое учрежденіе въ университетъ и въ прочія мѣста, до кого оное принадлежитъ, для исполненія, и разослано, а сего сентября 7 числа, какъ объявлено чрезъ записку г-дамъ профессорамъ, чтобъ они начали лекціи сего жъ сентября 10 числа, то профессоръ Миллеръ на той запискѣ своеручно написалъ, что онъ отъ лекцій, по контракту, въ университетѣ уволенъ; и хотя въ контрактѣ его, заключенномъ ноября 20 дня 1747 года, въ 4-мъ пунктѣ, и написано, что онъ отъ лекцій уволенъ, то вмѣсто того отправлять ему ректорскую должность при университетѣ, которой онъ уже не отправляетъ; того жъ контракта во 2-мъ пунктѣ написано, чтобъ ему всякой годъ издать по одной книжкѣ сибирской исторіи, но отъ подписанія кантракта, чему безъ мала по сіе время три года, токмо одну книжку сибирской исторіи выдалъ, да и та не такое удовольствіе имѣетъ, какъ бы ей быть надобно, а жалованье отъ начала контракта получалъ полное, лекціи же опредѣлено ему нынѣ читать, вмѣсто того, къ чему онъ контрактомъ обязался, а нынѣ того не исполняетъ. А въ вышеописанномъ о университетѣ учрежденіи написано, что нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ на лекціи свои, безъ важныхъ причинъ, либо вовсе не приходятъ, либо и приходятъ, да поздно, то за необходимую нужду почтено на такихъ лѣностныхъ наложить штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно: за часъ вычитать дневное жалованье по окладу. Того ради, въ силу онаго учрежденія, опредѣлено: у онаго профессора Миллера за небытіе его при каждыхъ лекціяхъ, начиная отъ 10 числа сего сентября, вычитать за каждый часъ дневное его по окладу жалованье, и

когда онъ при лекціяхъ не будетъ, о томъ подавать профессору Крашенинникову въ канцелярію репорты, того ради на сію сентябрьскую треть жалованья ему, Миллеру, безъ особливаго указу не производить, а дабы онъ, Миллеръ, о семъ былъ свѣдомъ, и воли главнаго командира былъ послушенъ, и повелѣнное дѣло прилѣжно отправлялъ, и для того сіе объявить ему въ канцеляріи.» Мюллеръ не подчинился этому постановленію, и не хотѣлъ читать лекцій. — Тогда принесена была канцеляріею на него жалоба президенту, въ которой и исчислялись разныя его вины, основанныя болѣе на личномъ нерасположеніи къ нему вліятельныхъ въ академическомъ управленіи лицъ, и графъ Разумовскій разжаловалъ историографа Миллера изъ академиковъ въ адъюнкты. Но кара эта продолжалась недолго: «Понеже адъюнктъ Миллеръ», писалъ графъ Разумовскій 21 февраля 1751 года, «по собственному своему признанію, которое онъ учинилъ въ просительномъ своеручномъ письмѣ ко мнѣ сего 21 числа, что онъ чувствуетъ себя достойна того штрафу, которому онъ самъ случай своими поступками подалъ, того ради, въ надеждѣ его надобности въ Академіи, и ожиданіи многихъ отъ него дѣлъ, на которые не малое уже иждивеніе Ея Императорскаго Величества положено, возвращается ему чинъ его и достоинство по прежнему профессорское, а жалованье ему производить профессорское по тысячѣ рублевъ въ годъ, начавъ сего 21 числа февраля, и отъ всѣхъ дѣлъ его уволить, оставя токмо при одномъ сочиненіи сибирской исторіи, и сколько когда имъ оной на нѣмецкомъ языкѣ написано будетъ, оное подавать ему для переводу на русскій языкъ въ канцелярію».

Въ октябрѣ 1750 года Крашенинниковъ жаловался, что нѣкоторые профессора пропустили свои лекціи. Объ этомъ такъ записано въ протоколѣ 31 октября: «По новоподписанному о университетѣ и гимназіи учрежденію прошедшаго августа отъ 10 числа сего 1750 года по 25 параграфу, за небытіе профессоровъ на лекціяхъ положенъ штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ дневное жалованье по окладу, да въ томъ же

учрежденіи, въ 31-мъ параграфѣ, написано: ни профессорамъ, ни учителямъ не имѣть другихъ праздничныхъ дней, кромѣ положенныхъ Св. Пр. Сунодомъ въ табели, въ календарь сообщенной. А сего октября 29 числа профессоръ г-нъ Крашенинниковъ репортуетъ: ученіе въ университетѣ отправляется по силѣ учрежденія, только на лекціяхъ не были 29 числа сентября, а именно профессоры: Фишеръ, за праздникомъ, по нѣмецкому календарю, святаго архангела Михаила, прочіе же профессоры—Рикманъ, Броунъ и Краценштейнъ не читали, въ объявленіи же 29 числа изъ оныхъ Рикманъ извинялся болѣзнію, а прочіе о причинѣ небытности своей не объявляли, а бывшій тогда профессоръ, что́ нынѣ адъюнктъ, Миллеръ, во весь сентябрь мѣсяцъ, считая съ 10 числа, не давалъ лекцій. Того ради въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: къ объявленію профессорамъ Фишеру, Броуну и Краценштейну (кромѣ профессора Рикмана, который не былъ за болѣзнію) послать ордеръ, и во ономъ написать, чтобъ они поступали въ праздничные дни по русскому календарю, а не по нѣмецкому, а впредь ежели кто на тѣхъ лекціяхъ не будетъ, не объявя законныхъ причинъ, у тѣхъ по силѣ учрежденія, вычетъ чиненъ будетъ, не пріемля никакихъ отговорокъ. Что же касается до адъюнкта Миллера, за небытіе его при лекціяхъ, вычитать, по силѣ учиненнаго опредѣленія сентября 13 дня. И для того онаго опредѣленія изъ сего въ счетное повытье, чтобъ въ спискѣ при дачѣ жалованья отмѣчено было по подаваемымъ отъ профессора Крашенинникова репортомъ, дать копію».

Въ августѣ 1751 года Крашенинниковъ представилъ снова о пропущенныхъ профессорами лекціяхъ, и заявилъ академической канцеляріи, что они ихъ не возобновили послѣ вакацій. Объ этомъ изложено въ протоколѣ 19 августа слѣдующимъ образомъ: «Минувшаго іюня 9, до сего августа 12 числа, профессоръ г-нъ Крашенинниковъ репортами представлялъ: первымъ, что нѣкоторые г-да профессоры не были на лекціяхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ: Фишеръ—11, 15, 18, 26, итого пять дней;

Броунъ—10, 11, итого два дни; ректоръ Ротгакеръ (ректоръ гимназіи)—7, 18, 19, 20, 28, итого пять дней; вторымъ: прошедшаго іюля мѣсяца ученіе въ университетѣ продолжалось по начало каникулъ, а съ того времени никто изъ г-дъ профессоровъ не читалъ лекцій; отъ 1 іюля по 12 число не были при своихъ должностяхъ г-да профессоры: Фишеръ—3, 10 и 11 чиселъ, итого три дни; Броунъ—1 и 2 числа, итого два дни; Краценштейнъ, по окончаніи курса своего, понынѣ не читаетъ лекцій; ректоръ Ротгакеръ не былъ токмо одинъ день, а именно 2 числа іюля. А зачѣмъ оные профессоръ и ректоры не были, причины небытія ихъ не объявили». Канцелярія постановила: «то имъ на первый случай прощается, а впредь, ежели на лекціяхъ университетскихъ кто не будетъ, а законной причины, или о болѣзни, зачѣмъ кому быть невозможно, не объявитъ, у такихъ за ослушаніе, по силѣ учиненнаго его сіятельствомъ учрежденія, учиненъ будетъ вычетъ безъ опущенія».

Однако, всѣ эти угрозы и понужденія не заставили профессоровъ исполнять ихъ обязанности; такъ въ протоколѣ 23 сентября 1753 года находимъ слѣдующее заявленіе: «при университетѣ никакихъ лекцій нѣтъ, кромѣ лекцій г-на профессора Броуна».

Со студентами Крашенинниковъ поступалъ самымъ безобразнымъ образомъ: находя, что заключеніе въ карцеръ и одѣяніе въ сѣрый кафтанъ не достаточно ихъ исправляютъ, онъ предлагалъ сѣчь ихъ розгами, предъ ихъ товарищами, и получалъ на то разрѣшеніе. Повѣствованіе объ этомъ находимъ въ нѣсколькихъ академическихъ протоколахъ. Такъ въ протоколѣ 23 марта 1751 года внесено слѣдующее: «Его высокографское сіятельство Академіи Наукъ г-нъ президентъ, слушавъ поданнаго въ канцелярію Академіи Наукъ отъ профессора и университета ректора г-на Крашенинникова репорта, которымъ представлено: сего мѣсяца 10 числа видѣлъ онъ нѣкоторыхъ студентовъ во время службы Божіей шатающихся по улицамъ, которые изъ университета въ церковь отпущены были, за что

приказалъ онъ посадить ихъ въ карцеръ, и изъ того числа Иванъ Барковъ (довольно извѣстный впослѣдствіи эротическій писатель, † 1768 году), ушелъ изъ университета безъ позволенія, пришелъ къ нему, Крашенинникову, въ домъ, съ крайнею наглостію и невѣжествомъ, учинилъ ему прегрубые и предосадные выговоры съ угрозами, будто онъ его напрасно штрафуетъ, а наконецъ, сказавъ, что онъ радъ сидѣть въ карцерѣ, токмо онъ писать на него будетъ, и хлопнувъ дверью такъ, что она отворилась настежъ, ушелъ; и тою наглостію не удовольствовавшись, бѣгалъ онъ по нѣкоторымъ изъ г-дъ профессоровъ, и клеветалъ на него, г-на профессора, и на своихъ товарищей. И ежели сей поступокъ отпущенъ ему будетъ безъ штрафа, то другимъ подастся поводъ къ бо́льшимъ наглостямъ, а карцеръ и сѣрый кафтанъ, чѣмъ они штрафуются, ни мало ихъ отъ того не удерживаетъ. И въ разсужденіи онаго представленія, что оные студенты отъ такого штрафа сажаніемъ въ карцеръ и надѣваніемъ сѣраго кафтана ни мало отъ худыхъ поступокъ воздерживаются, изволилъ приказать: показаннаго студента Баркова за такую учиненную имъ продерзость, въ страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ студентовъ, высѣчь розгами; да и впредь, ежели кто изъ оныхъ студентовъ явится въ такихъ же худыхъ поступкахъ, оныхъ по тому жъ наказывать розгами, кто бы какого возраста не былъ. О наказаніи же помянутаго студента Баркова къ вышеписанному г-ну профессору Крашенинникову послать ордеръ, въ которомъ написать, чтобъ онъ впредь о являющихся въ продерзостяхъ, достойныхъ таковому наказанію, студентахъ представлялъ канцеляріи, отколѣ о учиненіи того наказанія посылать ордеры, а безъ вѣдома канцеляріи никого тѣмъ штрафомъ не наказывать». Въ протоколѣ 18 января 1752 года занесено: «Сего 1752 года генваря 15 числа профессоръ Крашенинниковъ репортомъ представляетъ: Сего де генваря 13 числа велѣно было посадить въ карцеръ двухъ студентовъ, а именно: Фадея Охтенскаго да Петра Добротворскаго, за то что Охтенской пришелъ въ университетъ поздно, мертвъ

пьянъ, а Добротворскій, репортуясь больнымъ, не ходитъ на лекціи, а со двора почти ежедневно ходитъ безъ спросу и вѣдома; но оба помянутые студенты оказали себя непослушными. и столь наглыми, что Охтенской, разругавъ г-на Модераха. сказалъ, что онъ перваго того заколетъ, кто его подъ караулъ брать будетъ, а Добротворской заперся въ лазаретѣ, и не пошелъ же въ карцеръ, и ночью ушелъ со двора безъ вѣдома, и гдѣ былъ неизвѣстно. И за такіе оныхъ студентовъ худые и командѣ противные поступки опредѣлено: въ страхъ другимъ. въ силу объявленнаго отъ его сіятельства Академіи Наукъ г-на президента опредѣленія, высѣчь ихъ въ университетѣ, при собраніи всѣхъ студентовъ, розгами нещадно, при присутствіи г-на Крашенинникова и адъюнкта г-на Модераха..., а ежели впадутъ паки въ какія продерзости, то, по жесточайшемъ паказаніи, имѣютъ отосланы быть въ матросскую службу». Въ протоколѣ 10 іюня 1753 года записано: «Яремскаго (студента) за кричаніе караула, за пьянство и за драку высѣчь, при собраніи всѣхъ студентовъ, розгами нещадно». 12 іюля 1754 года Академическая канцелярія представляла графу Разумовскому: 1753 года сентября 20 дня г-нъ профессоръ Крашенинниковъ репортомъ представилъ, что Братковскій (студентъ) въ университетѣ не ночуетъ нѣсколько ночей, и въ пьянствѣ потерялъ шпагу, за что изъ университета выключенъ, и опредѣленъ въ географическій департаментъ, гдѣ будучи, къ дѣлу своему нѣсколько дней хожденія не имѣлъ, и казенный мундиръ пропилъ, и за то высѣченъ розгами, и содержанъ былъ не малое время подъ карауломъ». Кромѣ того, Крашенинниковъ придумалъ отнимать у провинившихся студентовъ мундиры и шинели, что и изложено въ протоколѣ 23 сентября 1752 года такъ: «Профессоръ г. Крашенинниковъ репортомъ представилъ: Сего де сентября 16 числа объявлено ему отъ адъюнкта господина Модераха, что съ 14 на 15 число въ ночи происходила драка между студентами Полидорскимъ и Охтенскимъ, которые, какъ думать можно, были пьяны; однако начинатель

ссоры былъ Полидорскій, для того, что Охтенскаго, уже соннаго, по щекѣ ударилъ; а понеже ему, профессору, о такихъ случаяхъ велѣно доносить канцеляріи письменно, а при томъ онъ проситъ, чтобъ Полидорскаго изъ университета вывесть, для того, что онъ ни на какія лекціи не ходитъ, токмо худымъ житіемъ своимъ другихъ портитъ. А которые студенты часто въ пьянствѣ и въ другихъ порокахъ приличатся, то, по его мнѣнію, чувствительнѣе будетъ наказаніе, ежели у нихъ мундиры и епанчи (плащи) отбираны будутъ до исправленія. А чѣмъ будутъ они въ платьѣ недостаточнѣе, тѣмъ уповательно скорѣе исправятся, ибо примѣчено имъ, что карцеръ не доволенъ къ ихъ исправленію. И ежели оное канцелярія апробуетъ, то бъ дать ему о томъ указъ, или ордеръ. И по тому онаго профессора репорту канцелярія Академіи Наукъ опредѣлила: студента Полидорскаго, который находится въ географическомъ департаментѣ, изъ университета вывесть и впредь его туда ни подъ какимъ видомъ не допущать, а что онъ въ такихъ худыхъ поступкахъ явился, за то у него убавить жалованья.... Что-жъ касается до поступокъ съ прочими студентами, опыхъ профессору г-ну Крашенинникову, по разсмотрѣнію ихъ винъ, въ силу его высокографскаго сіятельства, Академіи Наукъ г-на президента опредѣленія, наказывать розгами, карцеромъ, такожъ, какъ онъ представилъ, отбирать у нихъ мундиры и епанчи».

Хотя всѣ эти унизительныя для студентовъ наказанія закрѣплены именемъ президента Академіи, но позволительно думать, что графъ Разумовскій не сочувствовалъ имъ, и имѣлъ о молодежѣ лучшее понятіе. «О студентахъ и ихъ наукахъ», писалъ онъ 1 августа 1751 года Шумахеру изъ Глухова, «какъ возможно прилагать извольте тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ. Когда не будутъ профессоры изъ нихъ, то могутъ быть изъ нихъ добрые и исправные переводчики, или учители въ гимназію первыхъ классовъ латынскаго языка. Что же до ихъ шалостей касается въ житіи, въ томъ, разсуждая ихъ молодые лѣта, не вовсе над-

лежитъ отчаяваться, а стараться сколько возможно о ихъ исправленіи, когда уже не малый коштъ и время на нихъ потеряно».

Относительно учебныхъ занятій студентовъ сдѣлано было, при Крашенинниковѣ, нѣсколько распоряженій. Подтверждено было введенное Мюллеромъ обученіе ихъ новымъ иностраннымъ языкамъ, но не въ гимназіи, какъ прежде, что̀ оказалось неудобнымъ, а черезъ особыхъ учителей. Протоколъ 15 іюля 1751 года излагаетъ э̀то такъ: «Сего іюля 9 дня профессоръ, университета ректоръ, а гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ репортомъ въ канцелярію Академіи Наукъ представляетъ: Понеже студентамъ необходимо надлежитъ обучаться нѣмецкому и французскому языкамъ, да и сами они того желаютъ, но по утрамъ, будучи заняты профессорскими лекціями, не могутъ ходить въ классы (то есть въ гимназію), а пополудни языкамъ не обучаютъ (въ гимназіи), то не соблаговолено ли будетъ пріискать для нихъ особливыхъ учителей помянутыхъ языковъ, или бы приказать академическимъ информаторамъ, которые къ тому способны, обучать ихъ пополудни, съ обѣщаніемъ награжденія. А понеже ко обученію тѣхъ студентовъ охоту имѣютъ обучать академическіе учители: Кожинъ — нѣмецкому, Сужи — французскому языкамъ (оба они были учителями гимназіи), и, по призывѣ въ канцелярію, объявили, чтобъ за то, яко сверхъ ихъ должности, обученіе дано бы было имъ пристойное награжденіе, и назначить бы имъ часы; того ради опредѣлено: оныхъ студентовъ обучать, а именно: Кожину — нѣмецкому языкȕ, по понедѣльникамъ и по четвергамъ по два часа, пополудни пятый и шестой часы; Сужи — французскому языку, по вторникамъ и пятницамъ тѣ же часы пополудни, и за тотъ ихъ излишній трудъ, сверхъ гимназическаго, дать въ награжденіе каждому по шести рублевъ на мѣсяцъ, сверхъ ихъ жалованья..., а каково оные информаторы при обученіи тѣхъ студентовъ поступать будутъ, и съ добрымъ ли успѣхомъ, о томъ профессору университета, ректору, а гимназіи инспектору г-ну Крашенин-

никову во вся мѣсяцы канцеляріи репортовать». Крашенинниковъ замѣтилъ также, что большинство студентовъ слабы въ русскомъ языкѣ, и находилъ необходимымъ упражнять ихъ въ русскихъ сочиненіяхъ и переводахъ, принимая это на себя. Въ протоколѣ того же 15 іюля говорится: «Сего іюля 8 числа профессоръ, университета ректоръ, а гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ репортомъ въ канцелярію представлялъ: Понеже усмотрѣно имъ, что большая часть студентовъ лучше по латынѣ пишутъ, нежели по русски, и, разумѣя совершенно латынскаго автора, силы его не могутъ выразить на природномъ языкѣ, и чтобъ соблаговолено было оныхъ студентовъ по нѣскольку часовъ въ недѣлю обучать россійскому штилю и переводамъ; а понеже къ той должности нынѣ опредѣлить некого, то оный г-нъ Крашенинниковъ обученіе россійскаго штиля и переводамъ самопроизвольно пріемлетъ на себя по понедѣльникамъ и по пятницамъ, девятый и десятый часы. Того ради опредѣлено: россійскому штилю и переводамъ обучать ему, г-ну профессору, въ показанные дни и часы». Введено было также обученіе танцованію, «которое для нихъ необходимо потребно, дабы могли знать какимъ образомъ себя въ люди показывать; того ради», сказано въ протоколѣ 10 октября 1750 года, «въ пользу студентовъ и гимназистовъ, а въ славу академическую, сыскать танцовальнаго искуснаго учителя, которому въ новомъ каталогѣ дать два дня въ недѣлю». Сначала приглашенъ былъ для этого танцмейстеръ шляхетнаго кадетскаго корпуса Нестеровъ, но вскорѣ его замѣнили придворнымъ танцмейстеромъ Литровымъ. Студенты занимались также другъ съ другомъ, нѣкоторые изъ нихъ продолжали читать лекціи своимъ товарищамъ. Лучшіе изъ студентовъ имѣли позволеніе находиться въ профессорскихъ собраніяхъ, «сидѣть за стульями, и разговорами ихъ (профессоровъ) пользоваться», какъ сказано въ протоколѣ 12 декабря 1757 года.

Распредѣленіе лекцій въ 1753 году.

Въ январѣ 1753 году лекціи распредѣлены были между профессорами и студентами слѣдующимъ образомъ: 1) «г-ну Кра-

шенинникову выбрать нѣкоторыхъ изъ студентовъ перваго класса, кои бы студентамъ нижняго класса въ своей наукѣ лекціи читать могли; 2) профессору г-ну Броуну прочитать перваго класса философскія лекціи, въ коихъ продолжать философскую исторію, а напротивъ того имъ (то есть студентамъ перваго класса) обучать другихъ студентовъ первымъ основаніямъ философіи; 3) профессору г-ну Фишеру читать Плавта тѣмъ, кои наипаче опредѣлили себя къ гуманіорамъ и къ поэзіи,и уже хорошіе успѣхи въ латынскомъ языкѣ оказали, а которые въ ономъ языкѣ не столь достаточны, или къ помянутымъ наукамъ охоту имѣютъ, тѣмъ обучаться штилю латынскаго языка у ректора г-на Ротгакера, въ его классѣ (то есть въ гимназіи) дотолѣ, сколько намѣренію ихъ довольно будетъ; 4) при нынѣшнемъ состояніи Академіи, не можно студентамъ опредѣлить себя къ медицинѣ, ибо г-дъ профессоровъ другаго класса, въ коемъ обыкновенно также медики бываютъ, нынѣ медиками почесть невозможно, кромѣ анатомика; но оный лекціи давать въ медицинѣ охоты не имѣетъ, къ чему онъ, по силѣ своего контракта, не думаетъ быть обязанъ; 5) профессору г-ну Крашенинникову выбрать одного изъ студентовъ, который искуснѣе прочихъ въ переводѣ, и опредѣлить его въ Штенгеровъ классъ (конректорскій классъ въ гимназіи), чтобъ онъ съ нимъ, Штенгеромъ, въ томъ классѣ былъ вмѣстѣ, и обучалъ бы учениковъ россійскому переводу». Это распредѣленіе лекцій не было однако выполнено въ дѣйствительности, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лекціи не читались вовсе.

Въ январѣ 1753 года произведенъ былъ экзаменъ всѣмъ 20-ти студентамъ. Семь изъ нихъ признаны были окончившими курсъ, въ томъ числѣ Румовскій. Канцелярія Академіи нашла, что тѣ изъ окончившихъ курсъ, которые предназначаютъ себя къ наукамъ математическимъ и физическимъ, могутъ быть назначены адъюнктами; тѣхъ же, которые думали посвятить себя наукамъ философскимъ и словесности, произвести въ магистры. Долго не получалось разрѣшенія на это отъ президента; въ сен-

тябрѣ Крашенинниковъ вновь объ этомъ ходатайствовалъ, и наконецъ только въ декабрѣ объявлено было согласіе на то графа Разумовскаго. «Сего декабря 18 числа, при ордерѣ отъ его высокографскаго сіятельства, то мнѣніе канцеляріи обратно сюда получено, на которомъ его высокографское сіятельство апробацію подписать изволилъ, съ тѣмъ резономъ, что оное больше согласуетъ съ регламентомъ академическимъ, по которому канцелярія поступить имѣетъ. Чего ради во исполненіе того его высокографскаго сіятельства повелѣнія, сего декабря 23 дня, по опредѣленію канцеляріи Академіи Наукъ, и велѣно студентовъ Барсова, Яремскаго (въ промежутокъ между представленіемъ и его утвержденіемъ, именно въ іюнѣ, какъ означено выше, онъ высѣченъ былъ розгами), Поповскаго и Константинова произвесть въ магистры, а Софронова и Румовскаго въ адъюнкты; а нынѣ въ силу того его высокографскаго сіятельства повелѣнія, опредѣлено: студентамъ Григорію Павинскому и Ивану Федоровскому быть при переводахъ ученыхъ дѣлъ, Михайлу Студинскому быть гимназіи учителемъ въ ариѳметическомъ классѣ, на мѣсто студента, что нынѣ магистръ, Барсова.

Въ 1759 году Софроновъ разжалованъ былъ изъ адъюнктовъ въ студенты. Объ этомъ записано въ протоколѣ такъ: «1759 году сентября 1 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: адъюнкта Михаила Софронова, за его пребезмѣрное пьянство, въ которомъ онъ съ давняго времени находится и по многому увѣщанію не покидаетъ, чѣмъ Академіи наводитъ не токмо стыдъ, но и самое безчестье, пока онъ отъ того не исправится и недобропорядочныхъ поступокъ не оставитъ, изъ числа адъюнктовъ исключить, и написать въ студенты, съ жалованьемъ по сту рублевъ въ годъ, и о томъ ему Софронову объявить съ подпискою, съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ пьянство покинулъ и велъ себя порядочно, подъ опасеніемъ вящаго штрафа».

Между тѣмъ, въ концѣ 1753 года произведенъ былъ экза-

менъ въ старшемъ классѣ гимназіи, и, по представленію Крашенинникова, восемь гимназистовъ приняты были въ университетъ студентами, въ томъ числѣ Полѣновъ (будущій юристъ). «Они столько знаютъ по нѣмецки», писалъ Крашенинниковъ, «что могутъ разумѣть книгу и разговаривать, знаютъ ариѳметику, геометрію, тригонометрію и часть фортификаціи, въ практикѣ геометрической и въ черченіи фортификаціи имѣютъ нарочитое искуство, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ плановъ и изъ сообщенныхъ нынѣ чертежей; латынскій же языкъ столько же почти знаютъ, сколько знали набранные по разнымъ городамъ студенты, котораго де имени гимназисты тѣмъ достойнѣе, что набранные ничего въ началѣ не знали, кромѣ малаго основанія латинскаго языка».

Кромѣ нихъ, Крашенинниковъ отмѣтилъ еще нѣсколько учениковъ гимназіи, которые въ скоромъ времени могли бы быть приняты въ университетъ. «Что жъ до прочихъ учениковъ касается», прибавилъ онъ, «то чрезъ полгода, или много чрезъ годъ, до 15-ти человѣкъ и болѣе въ студенты годныхъ представится». Нѣкоторые изъ нихъ произведены были предварительно въ студенты, съ оставленіемъ въ гимназіи, собственно для увеличенія ихъ содержанія, такъ какъ студентъ получалъ такъ называемаго жалованья болѣе, чѣмъ гимназистъ. Ссылаясь на это, стали принимать въ гимназію и со стороны на томъ же основаніи, то есть называя такихъ гимназистовъ студентами. Такъ, напримѣръ, сохранился слѣдующій документъ: «Апрѣля 1 дня сего 1755 году поданнымъ въ канцелярію Академіи Наукъ малороссіянинъ Федоръ Козельскій челобитствомъ просилъ о опредѣленіи его въ академическій университетъ студентомъ на жалованьѣ, который въ его наукахъ и освидѣтельствованъ въ академическомъ и историческомъ собраніи, и явился для университетскихъ лекцій еще недостаточенъ, и ровенъ съ тѣми, которыхъ въ 1753 году велѣно было производить въ студенты, и которые нынѣ еще учатся въ гимназіи; чего ради ему, Козельскому, отъ канцеляріи объявлено было: ежели онъ желаетъ

обучаться въ гимназіи, то въ Академію опредѣленъ будетъ; на что онъ объявилъ, что онъ въ гимназіи обучаться желаетъ, токмо бы опредѣленъ былъ студентомъ, и съ жалованьемъ противъ тѣхъ студентовъ. Того ради опредѣлено: оному малороссіянину Федору Козельскому быть студентомъ и обучаться въ академической гимназіи иностраннымъ языкамъ и другимъ предметамъ, а Ея Императорскаго Величества жалованья производить ему, Козельскому, противъ выше объявленныхъ студентовъ, по 42 рублевъ».

25 февраля 1755 года умеръ Крашенинниковъ, и университетъ и гимназія «препоручены въ смотрѣніе» адъюнкту Модераху.

Распре, ніе лекц 1757 г.

Въ университетѣ давно не было лекцій. Въ 6-мъ пунктѣ данной 13 февраля 1757 года графомъ Разумовскимъ инструкціи академической канцеляріи сказано: «Понеже отъ давняго уже времени ни одинъ профессоръ въ университетѣ лекцій не читаетъ, и академическіе студенты находятся безъ всякаго ученія, того ради въ общемъ собраніи академиковъ и профессоровъ сочинить каталогъ лекціямъ, въ которомъ назначить по скольку дней въ недѣлѣ и въ какіе часы каждому изъ принадлежащихъ къ университету профессоровъ читать лекціи въ университетскомъ домѣ. Тоже разумѣется и о академикахъ, которые опредѣляемымъ къ нимъ студентамъ должны равномѣрно читать порядочныя лекціи и подавать имъ всякое руководство и наставленіе. А оный каталогъ прислать ко мнѣ напередъ, для апробаціи, и съ перваго мая сего года непремѣнно начать упомянутыя лекціи. Которые академики и профессоры въ томъ должности своей исполнять не будутъ, и такимъ образомъ регламенту и моему опредѣленію учинятся противными, о таковыхъ ко мнѣ репортовать, а между тѣмъ отъ канцеляріи жалованья имъ не производить».

Представляя графу Разумовскому росписаніе лекцій, академическая канцелярія писала: «1) О г-нѣ профессорѣ Броунѣ. Понеже изъ опредѣленныхъ къ профессорскимъ лекціямъ студен-

товъ большая часть не слушали еще прежнихъ частей философіи, передъ тою, которую г-нъ профессоръ Броунъ нынѣ начать и продолжать намѣренъ, то не соблаговолено ли будетъ приказать, чтобъ онъ снова зачалъ курсъ философіи, ибо весьма вѣроятно, что, за давнымъ нечитаніемъ лекцій, и прежніе студенты много изъ того забыли, что слышали. 2) О г-нѣ Фишерѣ, чтобъ положенное на него сочиненіе экстракта изъ сибирской исторіи продолжалъ по прежнему, а вмѣсто древностей читалъ бы лекціи о краснорѣчіи, задавая притомъ студентамъ на домъ всякія элабораціи, и употреблялъ бы на сіе столько же часовъ, сколько прочіе университетскіе профессоры. 3) О г-нѣ Штраубе, чтобъ, вмѣсто гражданскихъ правъ, началъ бы сперва толковать права натуральныя. 4) О г-нѣ Тредіаковскомъ, чтобъ его уволить отъ лекцій, а вмѣсто того опредѣлить единственно къ переводамъ, или, ежели ему читать лекціи, то развѣ поручить толкованіе древностей и новой исторіи, которое онъ и на русскомъ языкѣ отправлять можетъ. 5) О г-нѣ Поповѣ, чтобъ началъ курсъ астрономическій на русскомъ языкѣ, дабы, сверхъ нашихъ студентовъ, и изъ другихъ мѣстъ, яко морской Академіи и кадетскаго корпуса слушатели его наставленіемъ пользоваться могли. 6) О г-нѣ Цейгерѣ, чтобъ по искуству своему въ употребленіи инструментовъ, и что экспериментальная физика заключаетъ въ себѣ немалую часть механики, показывалъ бы во время лѣтней половины года дважды въ недѣлю упомянутую экспериментальную физику». Графъ Разумовскій утвердилъ это представленіе. Въ сентябрѣ того же года лекціи эти дополнены были предписаніемъ академической канцеляріи: 1) Г. Эпинусу, чтобъ онъ читалъ студентамъ лекціи по сокращенной Вольфовой экспериментальной физикѣ. 2) Г-ну Цейгеру, чтобъ онъ лекціи читалъ по Крафтовымъ экспериментамъ, ибо по онымъ книгамъ прежде того отъ здѣшнихъ профессоровъ лекціи читаны, и инструменты для оныхъ заготовлены приличные. А какіе къ тому инструменты въ добавокъ потребны, и что поправить должно, о томъ, пересмотрѣвъ оные, подать въ канцелярію репортъ. 3) Къ

г-ну Сальхову, чтобъ онъ, обще съ лабораторомъ Клементьевымъ, химическіе эксперименты дѣлалъ. А чтобъ студенты къ онымъ профессорамъ на лекціи хожденіе имѣли, въ томъ ихъ понуждать г-ну адъюнкту Модераху».

Дисциплинарныя мѣры относительно студентовъ не измѣнились; къ нимъ прибавлена была одна новая: студентовъ стали низводить въ гимназисты, съ цѣлію уменьшать ихъ стипендію, но съ обязательствомъ слушать, по прежнему, профессорскія лекціи. Такъ въ протоколѣ 17 ноября 1757 года находимъ: «Опредѣлено: студентовъ Введенскаго и Терентьева, за вышеписанныя ихъ продерзости (пьянство и буйство) написать въ ученики гимназическіе впредь до усмотрѣнія, какъ исправными себя окажутъ, съ убавкою у нихъ жалованья по половинѣ, а производить только Введенскому по 1 р. 75 коп., Терентьеву по три рубли въ каждый мѣсяцъ сего ноября съ перваго числа, и высѣчь ихъ, при собраніи прочихъ студентовъ, розгами нещадно . . . , и ходить имъ на лекція профессорскія съ прочими студентами по прежнему, и сидѣть ниже всѣхъ. А чтобъ они отъ пьянства и отъ худыхъ поступокъ впредь могли уняться, подтвердить имъ накрѣпко, что, ежели въ чемъ явятся виновны, то, не смотря ни на что, безъ всякаго къ нимъ послабленія, вѣчно въ матросскую службу отосланы быть имѣютъ».

По сохранившимся свѣдѣніямъ, въ университетѣ было студентовъ: въ 1752 году — 20, въ 1753 — 18, въ 1751 — 18, въ 1758 — 16. Нельзя не согласиться съ Ломоносовымъ, что «при Академіи Наукъ не токмо настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно».

Препорученіе университета въ завѣдываніе Ломоносова (1758—1765 г.).

24 марта 1758 года завѣдываніе университетомъ и гимназіею поручено было президентомъ Ломоносову. «По силѣ генеральнаго регламента, и по моему опредѣленію», писалъ графъ Разумовскій, «раздѣлены г-дамъ канцелярскимъ членамъ разные академическіе департаменты въ особливое смотрѣніе, между коими г-ну коллежскому совѣтнику Ломоносову поручены дѣла

до наукъ касающіяся». Вмѣстѣ съ тѣмъ, по вызову Ломоносова, графъ Разумовскій поручилъ ему написать проекты уставовъ (регламентовъ) для университета и гимназіи. Составленные имъ проекты переданы были въ 1759 году на разсмотрѣніе коммиссіи изъ академиковъ и профессоровъ: Мюллера, Фишера, Броуна и Модераха, но, не ожидая ихъ заключенія и утвержденія этихъ уставовъ (чего никогда и не было), Ломоносову предоставлено было вводить ихъ. Для него это было тѣмъ легче, что въ 1760 году президентъ отдалъ университетъ въ полное его распоряженіе. «Понеже чрезъ разные опыты я усмотрѣлъ», писалъ въ январѣ 1760 года графъ Разумовскій академической канцеляріи, «что учрежденію и распорядку, а особливо сочиненію регламентовъ гимназіи и университета, отъ несогласія разныхъ мнѣній, также и надлежащему происхожденію сихъ департаментовъ чинится остановка, и уже многіе годы минули не съ такимъ успѣхомъ и пользою, каковыхъ бы, по справедливости, ожидать должно было; и сверхъ того сумма, опредѣленная на университетъ, исходила по сіе время, по большей части, на другіе расходы, такъ что академическое коммисарство должно стало университету многія тысячи. Того ради прошедшаго 1758 году данъ былъ отъ меня ордеръ господину коллежскому совѣтнику Ломоносову, чтобы онъ сочинилъ регламенты для университета и гимназіи, которые имъ сочинены, и, по ордеру моему отданы въ канцелярію, для общаго разсмотрѣнія, и для поданія мнѣ на апробацію. Но какъ я еще вижу, что дѣло сіе, по прежнему, отъ несогласныхъ мнѣній претерпѣваетъ остановку, а господинъ Ломоносовъ, между тѣмъ, по сочиненному отъ него регламенту гимназіи, поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ, того ради, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества власти, поручаю учрежденіе и весь-распорядокъ университета и гимназіи единственно одному господину совѣтнику Ломоносову, по сочиненнымъ отъ него регламентамъ, полагаясь на его знаніе и усердіе, и уповая, что онъ въ произведеніи до

цвѣтущаго состоянія оныхъ двухъ департаментовъ, по должности сына отечества, со всякимъ прилѣжаніемъ и усердіемъ поступать будетъ. И потому академической канцеляріи чинить ему въ произведеніи сей на него единственно положенной должности всякое снисхожденіе, чтобы никакой больше остановки не учинилось въ семъ нужномъ дѣлѣ къ приращенію наукъ въ отечествѣ, а особливо, чтобы опредѣленную на университетъ сумму не токмо не употреблять на никакіе другіе расходы, но и недоимочную на прошлые годы, въ случаѣ надобности для помянутаго учрежденія, выдавать по частямъ изъ академической суммы, или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришолъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный господинъ Ломоносовъ имѣетъ мнѣ репортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхъ».

Ломоносовъ не только настоялъ на томъ, чтобы отпускалась вся положенная на университетъ и гимназію сумма, но и выхлопоталъ въ 1760 году увеличеніе ея на 5,000 руб.; именно съ этого времени, вмѣсто ассигновавшихся прежде на нихъ 10,300 р., назначено было 15,248 р. Въ томъ же 1760 году, по его представленію, число казеннокоштныхъ студентовъ было увеличено десятью человѣками (вмѣсто 20-ти положено было содержать 30), и всѣ они приняты на полное казенное содержаніе пищею и платьемъ, съ назначеніемъ на каждаго по сто рублей въ годъ. Гимназія и университетъ были выведены изъ дома Троицкаго подворья, и для нихъ въ 1764 году купленъ былъ домъ Строгановыхъ, и по настоянію Ломоносова, въ этомъ домѣ не размѣщены разныя академическія учрежденія, какъ домогалась того Академическая канцелярія, а весь домъ предоставленъ былъ этимъ двумъ учебнымъ заведеніямъ. «Сего сентября 13 дня», значится въ протоколѣ, «его сіятельство, Академіи Наукъ г-нъ президентъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, въ полномъ присутствіи Академической канцеляріи членовъ, приказалъ купленный подъ Академію домъ Строга-

новыхъ, для прописанныхъ въ представленіи статскаго совѣтника Ломоносова резоновъ, отдать подъ университетъ и гимназію, и о томъ учинить обстоятельное опредѣленіе. А въ оном представленіи онаго г-на статскаго совѣтника Ломоносова резоны, для коихъ оный домъ подъ университетъ и гимназію потребенъ и необходимо нуженъ, показаны слѣдующіе: 1) что по близости къ Академіи удобнѣе имѣть можно смотрѣніе главнымъ командирамъ надъ сими двумя департаментами, 2) что Троицкое подворье весьма тѣсно, и отъ Академіи удалено, что надзиранію и чтенію лекцій препятственно, 3) что оное подворье весьма обветшало, и наступающею зимою университету и гимназіи остаться тамъ невозможно».

Студенты перемѣщены были во вновь купленный домъ уже послѣ смерти Ломоносова, именно въ сентябрѣ 1765 года. Въ протоколѣ 13 сентября записано: «Изъ дому Свято-Троицкой Сергіевой лавры какъ студентовъ, такъ и находящихся тамъ гимназистовъ, кромѣ назначенныхъ къ выпуску, съ ихъ классами, перевесть въ оный Строгановскій домъ, и расположить студентовъ въ среднемъ, а гимназистовъ въ нижнемъ апартаментахъ, а классы во флигелѣ».

Такъ называемые регламенты для университета и гимназіи, сочиненные Ломоносовымъ, не сохранились, а немногіе ихъ слѣды остались лишь въ возраженіяхъ на нихъ академика Фишера, который возставалъ противъ допущенія въ эти учебныя заведенія лицъ записанныхъ въ подушный окладъ, не видѣлъ надобности въ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ и гимназистовъ, и находилъ недостаточнымъ отводимое время на гимназическій курсъ, а въ особенности на латынскій языкъ. На всѣ эти возраженія отвѣчалъ Ломоносовъ въ слѣдующемъ, съ крайнимъ раздраженіемъ написанномъ отзывѣ: «Его сіятельство Академіи Наукъ господинъ президентъ, вѣдая коль великія и безполезныя несогласія и шумы были въ академическихъ собраніяхъ, когда онъ, по силѣ академическаго регламента, приказалъ въ профессорскихъ собраніяхъ сочинить

регламентъ для университета и гимназіи, изволилъ поручить господину коллежскому совѣтнику Ломоносову оныхъ составленіе, дабы отъ неосновательныхъ и пристрастныхъ способовъ не произошло по прежнему въ томъ препятствія и потери времени, въ которое бы могло россійское юношество пользоваться добрымъ обоихъ оныхъ департаментовъ учрежденіемъ. И такъ, по лучшимъ примѣрамъ университетовъ и гимназій, и по приличности нашего государства, съ возможнымъ раченіемъ и вниманіемъ сочинивъ онъ такіе регламенты, представилъ его сіятельству, которые, по ордеру его сіятельства, велѣно разсмотрѣть въ канцеляріи прочимъ членамъ, обще съ нимъ, господиномъ совѣтникомъ; по которыхъ совѣту, повелѣно было, сверхъ того, на оные регламенты сдѣлать примѣчанія господамъ профессорамъ Миллеру, Фишеру, Броуну и Модераху. И такъ, по даннымъ изъ канцеляріи наукъ указамъ, оные господа профессоры учинили слѣдующее: господинъ Миллеръ отозвался репортомъ на сочиненные имъ прежде сего такіе регламенты; господа Броунъ и Модерахъ подали свои примѣчанія, настоящимъ и пристойнымъ образомъ, изъ коихъ нѣкоторыя вниманія достойны. Господинъ Фишеръ хотя также подалъ годныя примѣчанія, однако не столько старался о истинно полезныхъ поправленіяхъ, или прибавленіяхъ, сколько искалъ при многихъ пунктахъ случая какъ бы употребить грубыя и язвительныя насмѣшки, изъ которыхъ нѣсколько здѣсь, для примѣру, присовокупляются: 1) Во первыхъ, удивленія достойно, что не впалъ въ умъ господину Фишеру, какъ знающему латынь, Горацій и другіе ученые и знатные люди въ Римѣ, которые были выпущенные на волю изъ рабства, когда онъ толь презрѣнно уволенныхъ помѣщичьихъ людей отъ гимназіи отвергаетъ. Не вспомнилъ того, что они въ Римѣ не токмо въ школахъ съ молодыми дворянами, но и съ ихъ отцами за однимъ столомъ сидѣли, съ государями въ увеселеніяхъ имѣли участіе и въ знатныхъ дѣлахъ повѣренность. Сихъ и нынѣшнихъ примѣровъ видно знать онъ не хотѣлъ. Однако того бы нельзя было ему

просмотрѣть, что въ § 4-мъ гимназическаго регламента написано о службѣ дворянъ въ арміи вмѣстѣ съ крѣпостными бывшими людьми. Но, не упоминая при семъ пунктѣ о прочихъ его пустыхъ и издѣвочныхъ, излишнихъ окрестностяхъ, не могу преминуть о порицаніи россійскихъ дворянъ, которыхъ онъ въ присутственномъ мѣстѣ и еще письменно вообще невѣждами, или неучью называетъ, не разсуждая того, сколько попеченіемъ Петровымъ и его наслѣдниковъ, а особливо нынѣ, россійское дворянство пріобрѣло просвѣщенія. — 2) Шестьдесятъ гимназистовъ и тридцать студентовъ почитаетъ за излишнюю казнѣ тягость, а паче всего спрашиваетъ: куда ихъ дѣвать? Его ли о томъ попеченіе? Ему велѣно было смотрѣть регламентъ, а не штатъ. Его ли дѣло располагать академическою суммою? И ему ли спрашивать куда дѣвать студентовъ и гимназистовъ? О томъ есть кому имѣть и безъ него попеченіе. Мы знаемъ и безъ него куда въ другихъ государствахъ такихъ людей употребляютъ, и также куда ихъ въ Россіи употребить можно. Сіе есть ясное доказательство его невниманія къ разсмотрѣнію регламента, и что онъ только старался вступиться въ разсужденія, гдѣ бы для оказанія своего шпинства привязаться. 3) Во многихъ мѣстахъ смыслъ худо выразумѣвъ, и въ иныхъ напрасно сдѣлавъ ложныя заключенія, выводитъ до самой матеріи и до прямаго дѣла не принадлежащія издѣвки. Напримѣръ, экзамены и произведенія въ классахъ положены на всякой годъ дважды, а изъ верхняго въ студенты однажды (гдѣ онъ приписалъ ложно, якобы и въ студенты изъ верхняго класса дважды). Также положено учить въ верхнемъ классѣ краткія основанія краснорѣчія, философіи, универсальной исторіи, и толковать латынскихъ авторовъ, и расположены всѣ по мѣрѣ годоваго времени, такъ что остраго понятія молодой человѣкъ можетъ въ оное пріобрѣсти о наукахъ доброе обще понятіе, ибо надлежаще учиться остаются студентскіе годы, а совершенства достигать могутъ еще и въ адъюнктахъ. А ежели кто не такъ довольно понятенъ, остаться еще долженъ на годъ въ верхнемъ

классѣ, что разумѣется и о прочихъ классахъ. Но господинъ Фишеръ сдѣлалъ очевидное ложное заключеніе, якобы опредѣлено и положено было въ регламентѣ происходить въ полтора года въ студенты изъ начинающихъ по латынѣ учиться. Притомъ, для показанія мнимой въ сочиненіи оплошности, написалъ многія имена наукъ и авторовъ, якобы ихъ всѣхъ сквозь основательно толковать было въ регламентѣ положено. Сіи ложныя слѣдствія и вымыслы сдѣлалъ онъ для того, чтобы написать слѣдующую ругательную издѣвку надъ россійскимъ юношествомъ письменно, не разсуждая присутственнаго мѣста: «Ежели де сіе возможно, то я поздравляю Россію, въ которой чудеса творятся, въ другихъ земляхъ невозможные. По послѣдней мѣрѣ онаго еще не оказалось по сіе время: гимназисты, имѣющіе самую ближнюю надежду быть студентами, препроводивъ въ гимназіи восемь лѣтъ, еще не много позабыли». (его издѣвошнымъ штилемъ научились?)» Такія язвительныя слова оставляя до разсужденія, сіе напомянуть должно, чтобы господинъ Фишеръ представилъ себѣ коль много подобные ему проворствомъ наставники успѣть могутъ, не клалъ вины на учащихся. Сихъ трехъ примѣровъ довольно къ доказательству, что господинъ Фишеръ нарочно и умышленно старался дѣлать ругательные кощуны, не только не наблюдая точно по ордеру и по должности надобное дѣло, но насмѣхаясь шпынски дворянству и понятности россійскаго юношества. И понеже такимъ непристойнымъ и насмѣшническимъ образомъ писалъ онъ въ отвѣтъ къ своей командѣ на то, на что ему въ разсужденіи даннаго ему отъ оной повелѣнія съ подобающимъ почитаніемъ отвѣтствовать должно было о самомъ настоящемъ дѣлѣ. Того ради должно вышеписанное принять въ разсужденіе, дабы и другіе впредь не отваживались на подобные поступки».

При составленіи университетскаго регламента, Ломоносовъ болѣе всего старался выхлопотать разныя преимущества и служебныя права учащимъ и учащимся, и придать особую торжественность открытію университета, созданнаго по его пла-

ну, посредствомъ такъ называемой инавгураціи. Оффиціально университетъ существовалъ уже 35 лѣтъ, значитъ нечего было и открывать его; въ дѣйствительности же его не было, потому что три-четыре профессора, по временамъ читавшіе лекціи, и человѣкъ 20 студентовъ не могли составить университета, подраздѣленнаго на факультеты. Очевидность указывала на то, что прежде всего нужно доставить университету преподавателей, а для нихъ слушателей. Вмѣсто того, Ломоносовъ думалъ только о томъ, чтобы получить для профессоровъ «пристойные ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы», а также пенсіи; для студентовъ, окончившихъ курсъ,—права по службѣ, для магистровъ—чинъ поручика, для доктора—капитана и т. п. Но еще болѣе озабочивала его, повидимому, мысль какъ бы придать поболѣе торжественности объявленію этихъ дарованныхъ университету привилегій. Онъ такъ увѣренъ былъ, что всѣ эти привилегіи будутъ дарованы, что уже дѣлалъ всѣ приготовленія къ такому торжеству; въ протоколѣ 11 января 1760 года Академической канцеляріи, которою онъ тогда заправлялъ, будучи ея совѣтникомъ, записано: «въ собраніи художествъ учинить на приготовленную привилегію Академическому университету ляврамъ приличествующимъ наукамъ проекты, на четырехъ страницахъ, и, нарисовавъ, подать въ канцелярію при репортѣ, и о томъ въ собраніе послать указъ». Инавгурація должна была происходить слѣдующимъ образомъ: «*Пріуготовленіе:* 1) публичной гимназической экзаменъ гимназистовъ верхняго класса къ произведенію въ студенты, 2) экзаменъ въ градусы (то есть на ученыя степени) и 3) избраніе проректора и относящіяся сюда диспуты и рѣчи, 4) программа, 5) расположеніе мѣстъ. *Дѣйствіе*: обѣдня съ концертомъ и проповѣдью, 2) чтеніе привилегій, 3) благодарной молебенъ съ пальбою и музыкою, 4) рѣчь благодарственная Ея Императорскому Величеству, 5) назначеніе проректора и деканов, 6) произвожденіе въ градусы, 7) обѣдъ съ пальбою и музыкою. *Слѣдствіе*: 1) напечатаніе всего дѣйствія, 2) поздравленіе на домахъ, 3) розсыл-

ка копій съ привилегій и протчаго по всѣмъ университетамъ». Весьма основательно возражалъ Мюллеръ: 1) «что прежде привилегіи, надлежитъ апробовать университетскій регламентъ, потому что объ ономъ въ привилегіи упоминается, яко объ апробованномъ; 2) что прежде инавгураціи стараться должно о снабденіи университета довольнымъ числомъ профессоровъ во всѣхъ факультетахъ, потому что во всѣхъ факультетахъ градусы давать предложено; что надобно стараться о умноженіи числа студентовъ, а особливо такое учрежденіе учинить, дабы и дворянство могло пріохочиваемо быть къ отдачѣ своихъ дѣтей въ университетъ для обученія ученыхъ языковъ и наукъ; 3) а прежде какъ университетъ въ такомъ состояніи будетъ, не думаю я, что инавгурацію учинить должно, потому что она значитъ полнаго университета совершенство». Прося всѣхъ этихъ привилегій для университета, существовавшаго лишь по имени, Ломоносовъ расчитывалъ на покровительство И. И. Шувалова, и такъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ, что сочинилъ уже и рѣчь для торжественнаго собранія; но Императрица Елизавета скончалась, и проектъ этотъ былъ оставленъ.

Въ учебной части университета, во время управленія Ломоносовымъ, не было сдѣлано никакихъ улучшеній; все шло по старому, не смотря на то, что ему предоставлено было президентомъ, какъ упомянуто выше, вводить имъ составленный, хотя и неутвержденный уставъ, чѣмъ онъ и воспользовался. Онъ подраздѣлилъ университетъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, но на всѣхъ этихъ факультетахъ лекціи читали только пять профессоровъ: Фишеръ, Броунъ, Эпинусъ, Котельниковъ и Козицкій. Нѣкоторые изъ нихъ иногда не читали лекцій въ университетѣ, а заставляли студентовъ приходить къ себѣ на домъ; такъ 29 февраля 1760 года велѣно было «университетскимъ студентамъ, которые у господина профессора Фишера лекціи слушаютъ, за болѣзнію его, ходить къ нему, г-ну Фишеру, на домъ, пока онъ не выздоровѣетъ». Число студентовъ также не увеличилось: ихъ было все-

го 18, по большей части изъ солдатскихъ дѣтей. Этотъ мнимый университетъ выставлялся передъ публикою какъ бы настоящій. «1760 года ноября 14 дня», записано въ протоколѣ, «по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: въ Академическомъ университетѣ быть около 18 числа декабря публичному диспуту, и для того, отобравъ господамъ профессорамъ Броуну и Модераху лучшихъ студентовъ, чинить приватно экзерцицію, а въ гимназіи быть ораторской экзерциціи публично, и для того къ тому же времени приготовиться адъюнкту Козицкому».

Инспекторство Котельникова. (1761—1766 г.).

Инспекція надъ студентами поручена была въ 1761 году, когда уволенъ былъ Модерахъ, профессору Котельникову.

Несмотря на то, что университетъ предоставленъ былъ въ непосредственное распоряженіе Ломоносова, президентъ ограничивалъ, однако, иногда его власть относительно студентовъ. Такъ въ 1760 году Ломоносовъ исключилъ изъ университета двухъ студентовъ, Лобысевича и Дѣвовича, за то, что они не ходили на лекціи. Исключенные студенты пожаловались графу Разумовскому, и онъ прислалъ изъ Батурина такой ордеръ: «Студенты Академическіе, Лобысевичъ и Дѣвовичъ, передъ отъѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга, просили меня, при многихъ своихъ атестатахъ, что они въ произведеніи передъ прочими оставлены. Я, увидѣвши тогда справедливость ихъ жалобы, словесно приказалъ г-ну совѣтнику Ломоносову имъ сдѣлать справедливое удовольствіе. А нынѣ каковое они донощеніе ко мнѣ прислали, оное въ оригиналѣ при семъ въ канцелярію посылаю, и канцелярія имѣетъ, немедленно давъ имъ на прогоны, не въ зачетъ ихъ жалованья, надлежащія деньги, ко мнѣ прислать въ Глуховъ обоихъ. А между тѣмъ, объявить г-ну Ломоносову, что я весьма удивляюся по чьему учрежденію таковой, противу воли ихъ, отпускъ имъ безъ моей апробаціи сдѣланъ, да, какъ вижу, и безъ вѣдома канцеляріи, изъ службы Академической, а паче такимъ людямъ, которые въ Академію приняты по моему собственному опредѣленію, и которые атеста-

ты объ успѣхахъ ихъ мнѣ самому довольно извѣстны. Сколько мнѣ памятуется, я такъ далеко власти г-ну Ломоносову не давалъ. Чего ради и впредь изъ студентовъ, безъ моего собственнаго опредѣленія, никого канцелярія, тѣмъ меньше самъ собою г-нъ Ломоносовъ, высылать изъ академической службы не долженъ. Какое же опредѣленіе о сихъ студентахъ, Лобасевичѣ и Дѣвовичѣ, учинить надобно, о томъ впредь отъ меня будетъ писано. А заслуженное имъ жалованье безъудержно выдать, разумѣя ихъ дѣйствительно въ той же службѣ, въ которой они до сего были».

Въ ноябрѣ 1765 году профессоръ Котельниковъ освобожденъ былъ отъ инспекціи въ университетѣ, «а студентовъ, чтобъ оные во всемъ поступали благопристойно и жили порядочно», сказано въ протоколѣ 11 ноября, «поручить до указу въ смотрѣніе г-ну профессору Румовскому». Впрочемъ, Румовскій исправлялъ эту должность менѣе двухъ мѣсяцевъ, а потомъ она была поручена вновь назначенному тогда инспекторомъ гимназіи Бакмейстеру, но съ нѣкоторыми ограниченіями. «Какъ г-нъ профессоръ Румовскій», значится въ протоколѣ 2 января 1766 года, «только на малое время принялъ на себя смотрѣніе надъ университетскими студентами, то, по сложеніи имъ, равномѣрно и оное на себя принять, поколику касается до экономическаго содержанія и добропорядочнаго оныхъ студентовъ поведенія; ибо распоряженія ихъ наукъ принадлежатъ собранію университетскихъ профессоровъ, такъ какъ и наказаніе за случающіеся иногда противные поступки».

Въ 1765 году число студентовъ, составлявшее всего 18 человѣкъ, разомъ сократилось на половину: 9-ть изъ нихъ вышли изъ университета, а одинъ опредѣленъ былъ учителемъ гимназіи. «Мая 25 дня сего 1765 года поданными въ канцелярію Академіи Наукъ нижеобъявленные академическіе студенты 9 человѣкъ доношеніями объявя, что они, не имѣя склонности болѣе обучаться наукамъ, просятъ, чтобъ ихъ изъ университета выключить, а распредѣлить къ нижеписаннымъ должностямъ....

Студентъ же Петръ Степановъ доношеніемъ проситъ, чтобъ его опредѣлить при гимназіи, на мѣсто бывшаго студента Иноходцева, для обученія учениковъ ариѳметикѣ, геометріи и тригономе́тріи; на которомъ его доношеніи профессоръ Котельниковъ подписалъ, что, если онъ способенъ явится, опредѣлить его съ такимъ условіемъ, чтобъ велъ себя трезво и порядочно, а въ показанномъ де классѣ учители надобны.... Опредѣлено: Степанову, по желанію его, и по атестату Котельникова, быть въ гимназіи при обученіи гимназистовъ въ ариѳметическомъ классѣ».

Въ томъ же 1765 году два студента, Свѣтовъ и Венедиктовъ, посланы были въ Геттингенскій университетъ для обученія подъ руководствомъ Шлецера. Графъ Разумовскій приказалъ собрать предварительно о нихъ свѣдѣнія «благопристойно ли вели себя въ поступкахъ и не присмотрѣно ли за ними какихъ пристрастій», а также «каково кто изъ нихъ въ языкахъ и наукахъ знаніе имѣетъ, и можно ль ихъ въ разсужденіи ихъ наукъ, для окончанія оныхъ, за море отправить». Инструкція для нихъ составлена была Шлецеромъ [1]).

Распредѣленіе лекцій въ 1765 году.

Послѣ смерти Ломоносова, Таубертъ составилъ планъ занятій студентовъ и распредѣленіе лекцій, и предложилъ на разсмотрѣніе профессоровъ Фишера, Броуна, Попова, Котельникова и Протасова, которые ихъ одобрили. Протоколъ 25 ноября 1765 года излагаетъ это такимъ образомъ: «Сего числа въ канцеляріи Академіи Наукъ г-нъ статскій совѣтникъ Таубертъ подалъ предложеніе, чтобъ о наставленіи достальныхъ нынѣ при Академіи студентовъ учиненъ былъ иной распорядокъ, дабы 1) сіи на казенномъ содержаніи состоящіе студенты времени своего напрасно не теряли, но чрезъ рачительное о нихъ попеченіе Академіи могли сдѣлаться полезными людьми для своего отечества; 2) чтобъ и вольные студенты, если какіе случатся, тѣмъ поохочены были пользоваться наставленіями уни-

[1]) См. приложеніе 3.

верситетскихъ г-дъ профессоровъ, и при томъ объявилъ, что оное его предложеніе въ чрезвычайномъ г-дъ университетскихъ профессоровъ собраніи сего ноября 25 числа читано, и оными профессорами подписано. Предложеніе господамъ университетскимъ профессорамъ: неотмѣнно требуется, чтобъ о наставленіи достальныхъ нынѣ при Академіи студентовъ учиненъ былъ иной распорядокъ, дабы, первое, сіи на казенномъ содержаніи состоящіе студенты времени своего напрасно не теряли, но чрезъ рачительное о нихъ попеченіе Академіи, могли сдѣлаться полезными людьми для своего отечества; второе, чтобъ и вольные студенты, если какія случатся, тѣмъ поохочены были пользоваться наставленіями университетскихъ г-дъ профессоровъ. А для сего, по моему мнѣнію, надлежитъ: 1) Предъ окончаніемъ нынѣшняго года лекцій, каждаго изъ нынѣшнихъ студентовъ не слегка, но съ надлежащею строгостію во всемъ, что всякій вступающій въ университетъ студентъ знать долженъ, такъ и въ томъ, что онъ, по вступленіи въ университетъ, пріучилъ, проэкзаменовать предъ Академическимъ собраніемъ такимъ образомъ, чтобъ онъ не только на предлагаемые ему отъ каждаго экзаменатора словесные вопросы отвѣтствовалъ, но и сдѣлалъ бы небольшія элабораціи безъ всякой сторонней помощи, дабы чрезъ то несомнѣнно удостовѣриться о способности каждаго, и на семъ основаніи распорядя надлежащее для будущаго ихъ въ наукахъ наставленіе, сочинить каталогъ лекціямъ на предбудущую первую половину года. 2) Каждый изъ господъ профессоровъ, читавшій въ университетѣ лекціи, долженъ подать письменно: а) въ какіе дни и часы онъ въ нынѣшней половинѣ года читаетъ лекціи, и точно ль такъ, какъ въ печатномъ каталогѣ лекцій предписано, и по какой причинѣ что отмѣнено; б) по какому автору читаетъ и какой при томъ употребляетъ методъ; в) какія части его науки каждый изъ вышеписанныхъ казенныхъ студентовъ у него окончилъ, и какіе его въ томъ успѣхи, дабы по тому и экзаменъ учинить. — 3) Вмѣсто того, что господа университетскіе профессоры прежде читали только по одному часу въ день,

надлежитъ имъ читать по два часа, употребляя часть сего времени на краткое повтореніе прежней лекціи, распрашивая каждаго студента, а прочее на новую лекцію. 4) Назначить авторовъ, по которымъ господа университетскіе профессоры читать должны, дабы студенты могли запастись тѣми книгами. 5) Каждую часть науки расположить такимъ образомъ, чтобы окончена была порядочно въ полгода, какъ то во всѣхъ другихъ университетахъ водится. 6) Господамъ профессорамъ отправлять лекціи свои тѣмъ порядкомъ и по тѣмъ авторамъ, какіе каждому изъ нихъ отъ всего собранія предписаны будутъ, а не такъ, какъ всякой самъ хочетъ. 7) Нынѣшніе студенты, не упоминая о продолженіи ученія нѣмецкаго и французскаго языковъ, весьма недостаточны и въ сочиненіяхъ, и переводахъ на природномъ ихъ языкѣ; а какъ, сверхъ латынскаго, и въ сихъ трехъ языкахъ прилежное упражненіе имъ не меньше нужно, то предлагаю, 8) чтобъ въ нѣмецкомъ языкѣ, сверхъ историческихъ лекцій, наставленіе имъ подавалъ, по два дня въ недѣли и по два часа въ день, г-нъ профессоръ Федоровичъ (юристъ, уволенный въ 1770 году); 9) въ россійскомъ штилѣ и въ переводахъ — г-нъ профессоръ Протасовъ, также по два дня и по два часа въ недѣлѣ, кромѣ академическихъ своихъ лекцій; 10) во французскомъ языкѣ и штилѣ — академическій переводчикъ Поазо, который, по знанію латынскаго языка, совершенно къ тому способнымъ признается. 11) Выбрать между собою одного въ должность ректора университета, который бы, будучи перемѣняемъ, или продолжаемъ послѣ каждой половины года, наблюдалъ надлежащій порядокъ во всемъ, что касается до должности каждаго по университету. 12) Дабы студенты слушанныя лекціи повторять и обстоятельнѣйшія понятія получить могли, а особливо бы имѣли случай чтеніемъ полезныхъ книгъ препровождая время свое, распространять и свои знанія, то при университетѣ учреждена будетъ небольшая библіотека».

Эти правила, очевидно взятыя изъ германскихъ университетовъ, какъ ни строги они къ преподавателямъ и учащимся, осно-

вательны по своимъ требованіямъ отъ студентовъ, но едва ли были современны и не излишни, такъ какъ въ то время въ университетѣ было всего 9 студентовъ. Ректоромъ университета избранъ былъ профессоръ Броунъ, который принялъ на себя и составленіе программъ лекцій. Экзаменъ студентовъ назначенъ былъ на 12 декабря.

Съ этого времени и до конца столѣтія не находимъ болѣе въ академическихъ протоколахъ никакихъ распоряженій объ университетѣ, ни распредѣленія профессорскихъ лекцій для студентовъ.

Университетъ при княгинѣ Дашковой. (1783—1796 года).

Вступивъ въ должность директора Академіи, княгиня Дашкова нашла въ университетѣ только двухъ студентовъ, и то такихъ, прибавляетъ она, которые ничего не могли перевести съ иностранныхъ языковъ, даже съ нѣмецкаго. Она сама принялась ихъ учить, какъ можно заключить изъ перваго ея распоряженія: «Въ Ея сіятельства приказаніи», въ протоколѣ 30 января 1783 года написано: «Изъ студентовъ приказать, чтобъ понедѣльно одинъ при мнѣ дежурилъ, чтобъ я чрезъ то могла узнать каждаго способности и поведеніе. Должность на первый случай имъ объявляется нижеслѣдующая: являться ко мнѣ въ 8 часовъ поутру, и быть упражнену въ письмѣ, или переводѣ, какъ я прикажу; до 2-хъ часовъ пополудни, да отъ 4-хъ часовъ пополудни до 7-ми приказанные мною ордера разсылать съ вѣстовымъ, и пещись, донесены ли оные въ слѣдующія къ исполненію по онымъ руки. Съ ордеровъ копіи въ то же самое время вносить въ мою канцелярію, а до учрежденія оной, ко мнѣ самой». Этимъ и ограничились всѣ мѣры, принятыя княгинею относительно университета и студентовъ.

Дѣятельность профессоровъ обращена была на чтеніе публичныхъ лекцій. Начиная съ 1785 года, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, читали публичныя лекціи: Котельниковъ — математическія, адъюнктъ Соколовъ — химическія и Озерецковскій — по естественной исторіи.

Въ концѣ директорства княгини Дашковой въ универси-

тетѣ осталось всего три студента. Университетъ угасъ..... Не даромъ сказалъ Татищевъ Блюментросту: «Напрасно ищете сѣмянъ, когда земля, на которую сѣять, не приготовлена». Справедливо и мнѣніе Болтина: «Захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣка; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія».

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Реестръ тѣмъ студентамъ и ученикамъ, которымъ при Академіи Наукъ лекціи слушать.

Минь Шишкаревъ Чадовъ Ковринъ Старесовъ	Слушать имъ г-на профессора Гейнсіуса и г-на Муллу къ астрономіи и географіи.	у профессора Гейнсіуса, Крафта и Мулла. проф. Винсгеймъ, проф. Рикманъ.
Лебедевъ Голубцовъ Поповъ Фрейгангъ	у переводовъ	Слушать имъ г-на Крузіуса и Геллерта, а Голубцову, кромѣ того, ходить для лекцій къ проф. Гейнзіусу и Муллѣ.
Клейнфельдсъ	при анатоміи	Ему слушать г-дъ докторовъ Вейнбрехта и Вильдъ, да адъюнкта Ломоносова.
Протасовъ Котельниковъ	еще никуда нѣ опредѣлены	Ходить имъ для лекцій къ адъюнктамъ Теплову, Крузіусу, да къ профессорамъ Леруа и Рикману.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Acad. Cancel. Raporten. 1746.

Въ октябрѣ 1744 г. Протасовъ и Котельниковъ представили въ Академію слѣдующій рапортъ: „Vermöge des den 18-ten October von der Canceley der Academie der Wiſſenſchaften erhaltenen Befehls, ſind wir zu dem Prof. Weitbrecht gegangen, und haben ihm gemeldet, daß wir von der Canceley zu ihm geſchickt wären Collegia bey ihm über die Anatomie zu hören; worauf er uns zur Antwort gegeben, er ſey nicht Profeſſor von der Anatomie und Medicin, und wäre folglich auch nicht verbunden über gedachte Wiſſenſchaft zu dociren; würde aber die Academie der Wiſſenſchaften desfalls mit ihm einen neuen Contract ſchließen wollen, ſo wäre er bereit über die Anatomie zu leſen, und er würde auch der Academie dieſerhalb gehörige Vorſtellung thun. Welches wir alſo hiemit der Canceley der Academie der Wiſſenſchaften haben rapportiren wollen".

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

Инструкція двумъ въ Геттингенской Университетъ для продолженія наукъ отправляемымъ студентамъ:

Regula, ad quam ut studia sua in Universitate Göttingensi dirigant Basilius Swetow atque Basilius Venedictov, Philologiae Historiarumque studiosi, jussit Academia Scientiarum Imperialis Petropolitana. Petropoli d. Maii 1765.

I.

Hoc agite Basili Swetow et Basili Venedictov; huc convertite omnem curam cogitationemque vestram, ut ad spem expectationemque Academiae, quae vos eduxit, quae itineri, quod nunc studiorum causa ad exteros instituitis, sumtus suggerit haud illiberaliter, eventus respondeat. Quocirca in historiarum scientiam, quam non nostra vobis auctoritate injunctam, sed vestro ipsorum delectam judicio, colere

spopondistis, ea animi contentione atque constantia incumbite, quae grata Academiae sit, honoraria vobis, patriaeque universae olim fructuosa.

Tres annos vertentes licebit vobis Musarum Göttingensium consuetudine frui. Non est per se exiguum hocce studiorum curriculum, quod vobis circumscribit Academia: verum date operam, ut industria vestra illud etiam extendatis. Jam ea estis aetate, quae non desidiam modo, sed ne languorem quidem fert. Praeterea ad eam Universitatem ablegamini, ubi certe non campus, non materia deerit, in qua se exerceat ostendatque virtus vestra. Reliquum est, ut duo adhibeatis, diligentiam ac consilium: primum *diligentiam*, ne effluere vobis absque linea, quod aiunt, non menses, non hebdomades, sed ne dies quidem patiamini, plurium enim dierum jacturae paulatim in summam excrescunt; deinde *consilium*, ut ordinis atque rationis via procedat diligentia vestra, sitque tota ad hanc Regulam directa, quam hic vobis rite praescribimus.

Princeps studium ponetis in Historia. At cum nequeat illa percipi sine linguarum adminiculis, neque debeat perdisci alio fine, quam ut ad usum vitae agendique prudentiam omnis referatur: necesse habebitis, et Historiam, et Philologiam, et Philosophiam pari studio et diligentia aeque dispertita colere.

I. Historiae ipsius amplissimus campus est. Universe in antiquam dividitur atque recentiorem: quarum utraque aut origines resque gestas imperiorum perpetua continentique narratione tradit (*Historia* proprie sic dicta), aut formam eorum ac statum docet, cum quo modo constituta sint (*Jus publicum*), tum qua ratione administrentur (*Statistica*). Qui historiam antiquam profitentur, solent haec omnia iisdem acroasibus conjuncta proponere, nisi quod interdum a reliquo historiae corpore eam partem sejungunt, quae de forma rerum publicarum antiquarum ac de consuetudinibus populorum privatis exponit (*Antiquitates*). Pari modo ab utriusque historiae, tam antiquae quam recentioris, corpore litterarum atque religionis fata divellunt, unde *Litteraria* historia existit atque *Ecclesiastica*.

II. Linguarum multarum facultas non honoraria tantum Historiarum consulto est, verum quoque prorsus necessaria. Ac vetustatis quidem memoria monimentis graecis atque latinis continetur: *graece* igitur ac *latine* doctus historicus sit. Qui populi vero nunc Europae regna tenent, hi omnes fere perscripserunt historias suas eo sermone, qui cuique genti patrius est. Horum igitur ut historiae ita quoque linguae perdiscendae sunt, si non omnium, at eorum certe, quorum in

genere historico studium maxime eminuit, tamquam *Germanorum*, *Gallorum* atque *Anglorum*.

III. Philosophia historiae finis est. Acta enim generis humani annalibus condita sunt, atque ex iis cognoscuntur, non propter solam delectationem, sed ad vitae tum privatae tum civilis usum. Informare hominem debet historia primo ut sapiens (*Philosophia moralis*), dein ut justus (*Jus naturae*), postremo ut bonus civis sit (*Politica*).

Has scientias omnes oportet vos non cursim, non tumultuario studio colere, sed tota mente omnique animi impetu in eas incumbere. Neque tamen est, quod earum numerus vos perterrefaciat: *trium* enim *annorum* pensa a vobis exigimus. Ex omnibus scientiis, quas commemoravimus, nulla fere est, cujus initia semestri spatio non absolvant doctores Göttingenses. Jam cum vehementer ignavum oportet eum esse, qui quatuor aut quinque auditiones obire singulis diebus, recuset: facillime poteritis triennio quatuor et viginti scientiarum elementa percipere.

II.

Ante omnia vobis germanicae atque latinae linguae paranda facultas est, quo colere cum fructu auditiones publicas possitis. Quod ad *Germanicam* attinet, simul ac tangetis Germaniam, ipsa hominum consuetudo vobis vice magistri erit, praesertim si accesserit diligens lectio librorum. *Latinae* linguae facultatem adjuvabunt maxime collegia disputatoria, quae pluribus ex caussis longe utilissima vobis futura, ita frequentabitis, ut primo anno alios tantum disputantes audiatis, postea vero, in litteris aliquando confirmatiores, ipsi disputando vestri faciatis periculum.

Cum spes sit, fore, ut extremo Junio, adeoque tres menses ante hybernarum auditionum initium, Göttingae adveniatis: debebitis juxta germanicae atque latinae linguae studium omne illud tempus Geographiae impendere. Ea enim carere in historia nemo potest; at scholarum relicta subselliis a Professoribus Göttingae non traditur.

Ab his praesidiis instructi poteritis Octobri mense ipsum studiorum Academicorum curriculum ingredi, atque deinceps eas auditiones obire, quas vobis hic annumeramus.

Semestri I hiberno 1765—1766.

duce Achenwall.....	1 *Historia recentior*
	2 *Antiquitates romanae*
Duce Heyne.....	3 Lingua *latina*
	4 Lingua *germanica*

Semestri II aestivo 1766.

Duce Murray ..... 1 *Historia recentior* iterum
.... Beckmann ..... 2 *Logica*
3 lingua *latina*
4 lingua *graeca.*

Semestri III hiberno 1766—1767.

Gatterer ..... 1 *Historia antiqua*
Putter ..... 2 Historia *Germaniae*
3 *Philosophia moralis*
4 Lingua *graeca*
5 Lingua *gallica.*

Semestri IV aestivo 1767.

Duce Achenwall..... 1 *Statistica*
.... Achenwall..... 2 *Historia recentior* tertio
.... Beckmann..... 3 *Jus naturae*
4 Lingua *gallica.*

Semestri V hiberno 1767—1768.

Achenwall ..... 1 *Politica*
Pütter ..... 2 *Jus publicum Germaniae*
Walch ..... 3 *Historia Ecclesiastica*
4 *Heraldica*, *Numismatica* et *Diplomatica.*

Semestri VI aestivo 1768.

Hamberger..... 1 Historia *litteraria*
Büsching..... 2 *Statistica*
3 Lingua *Anglica*
Heyne ..... 4 Lingua *graeca.*